

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

М.Н. Валл И.А. Канакин

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТОВ

Ответственный редактор
д-р филол. наук В.Я. Плоткин

1054234

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

Вали М.Н., Капакин И.А. Фонологические системы немецких диалектов. - Новосибирск: Наука, 1986.

В работе излагается опыт построения типологии фонологических систем немецких диалектов на основе их описания в терминах единиц меньших, чем фонема. Особенности парадигматической организации и внутрифонемной сочетаемости этих единиц определяют специфику отдельных вариантических типов вокализма и консонантизма. Наиболее существенные диалектные различия обусловлены неодинаковой трактовкой общезападногерманских смычных и шумных согласных и неабруптивных гласных и дифтонгов.

Предлагаемый подход к диалектной фонологии основан на отвлечении от генетических и пространственных факторов и может быть применен к материалу других языков.

Книга рассчитана на фонетистов-диалектологов разных специальностей.

х

Рецензенты Н.М. Гришина, Л.Г. Панин

в 4602000000-811 321-86-1
042(02)-86

(C) Издательство "Наука", 1986 г.

1. ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ТИПОЛОГИИ ДИАЛЕКТНЫХ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Вопреки некоторым представлениям современные немецкие диалекты вовсе не являются только чем-то пережиточным; они – живая реальность, по-прежнему сохраняющая важное значение в странах немецкого языка [9, с. 28–33; 46, с. 59–62; 62, с. 154–158; 169–172]. Хорошо известны как чрезвычайно сильная диалектная раздробленность немецкого языка, так и глубина различий между отдельными диалектами.

Наиболее значительны и очевидны фонетические различия, буквально поражающие своим многообразием. Столь же богата и разнообразна специальная литература о них, накопленная за время существования диалектологии как науки, особенно начиная с основополагающей работы И. Винтелера [92]. Многие десятки описаний звукового строя отдельных диалектов и говоров, созданных преимущественно немецкими учеными в XIX – XX вв., отличаются детальностью и надежностью, глубиной исторического анализа материала и широтой его охвата. Они принадлежат к самым разным направлениям; среди них не утратившие своей ценности труды, лежащие в русле младограмматической традиции, и более современные работы сравнительно-исторического характера; многочисленные диалектографические и экспериментально-фонетические исследования; наконец, значительное количество фонологических описаний, выполненных в рамках едва ли не всех известных фонологических школ.

Обилие и дробность фактического материала, многообразие подходов к нему создают необычайно пеструю и труднообозримую картину, которая усугубляется к тому же односторонней трактовкой самого понятия "диалект". Обычно диалект определяется как территориальный или социальный вариант общенародного языка, или его разновидность, "ответвление" и т.п. [1, с. 131; 11, с. 9; 23, с. 452]. В соответствии с таким определением главной задачей диалектологии признается установление в описание вариантисти, разного рода расхождений и различий. Однако необходимо подчеркнуть, что понятие "вариант" вообще утрачивает содержание, не будучи соотнесенным с понятием "инвариант". Кроме того, неизбежным следствием исключительного внимания к алломорфизму является атомизм. Как справедливо по этому поводу заметил Р.Т. Белл применительно к английскому языку, "исследователь должен остерегаться опасности увязнуть в массе фонетических

подробностей, из которых выявится в конце концов поразительно тривиальный факт, что каждый в мире носитель английского языка как родного произносит слова иначе, чем любой другой" [2, с. 61–62]. Преодоление атомизма, свойственного, в частности, и немецкой диалектологии, давно осознается как настоятельная задача [10, с. 21].

Разумеется, до известной степени обобщение возможно в рамках названных направлений. Блестящим примером обобщения диалектных фактов на основе сравнительно-исторического подхода является фундаментальный труд акад. В.М. Жирмунского "Немецкая диалектология", представляющий собой обстоятельное изложение путей развития исходных западногерманских диалектов [11]. Попытка обобщения огромного количества данных диалектографии содержится в известной работе Б. Мартина "Немецкие диалекты" [71]. Можно было бы назвать также некоторые другие работы подобного рода. Несмотря на их несомненные достоинства, приходится признать, что они все же не дают целостной картины. Так, например, содержание обзорного очерка Б. Мартина сводится к довольно разрозненным констатациям вроде: переход $\varepsilon > \gamma$, x, j, ç в начальной позиции отмечается в нижнефранкском, северной части среднефранкского, вестфальском, в Мекленбурге, Бранденбурге, Западной Пруссии и др.; то же в интервокальной позиции – в нижнефранкском, на большей части нижнесаксонского, среднефранкского, восточнофранкского, частично в рейнско-франкском, тюригенском, верхнесаксонском, северобаварском диалектах [71, с. 54].

Преодолеть атомизм позволяет обращение к иному методу – структурно-типологическому, на возможность применения которого в диалектологии указывал уже Н.С. Трубецкой более полувека тому назад [89, с. 262]. Впоследствии идея типологической переформулировки традиционных диалектологических проблем получила развитие в работах У. Вайнрайха [90], Р.П. Стоквелла, Э. Станкевича, Ж. Фурке (см. [44]), показавших основные преимущества структурной типологии: положение о системном характере любого языка или диалекта; последовательное отвлечение от всех экстралингвистических факторов; принципиальное равноправие алиоморфического и изоморфического аспектов.

Признание системности, неразрывно связанной с понятиями целостности и организованности [48, с. 68], побуждает заново решить старую проблему соотношения непрерывности и дискретности в языке в пользу последней. В соответствии с одной из двух полярных точек зрения диалекты – реальные сущности, а границы между ними носят абсолютный характер; согласно другой – таких границ нет, следовательно, нет и диалектов, есть лишь континuum изменяющихся языковых явлений. Не подлежит сомнению, что представление о полной дискретности диалектов столь же условно, как и представление об их непрерывности в пространстве. По практическим соображениям целесообразнее принять точку зрения о дискретности, а значит и системной организации любых, в том числе и так называемых переходных говоров. Это позволит свести почти

бесконечное многообразие диалектного варьирования к обозримой и конечной совокупности наиболее важных различий [42, с. 130; 44, с. 222].

Отвлечение от генетических, пространственных и социально-функциональных отношений, образующих основу для иных методов, позволяет сопоставить друг с другом любые диалектные системы независимо от наличия или отсутствия каких бы то ни было связей между ними, и если, например, диалектография может сравнивать только говоры, находящиеся в непосредственном соседстве, то типология не знает подобных ограничений. Релевантными для нее являются лишь принципы структурной организации диалектных систем, в данном случае фонологических. Абстрагирование от всего остального, конечно, вовсе не абсолютно и не исключает отдельных географических либо этимологических ссылок, без которых описание превратилось бы просто в набор голых схем. Тем не менее обращение к внесистемным факторам играет в типологии лишь подчиненную роль.

Особо следует оговорить также место звуковой субстанции в описании. Хотя правомерность фонологического подхода более не подвергается сомнению, в диалектологии по-прежнему бытует преувеличенное внимание к разного рода фонетическим частностям, иногда совершенно случайным. Давно преодолен откровенный физикализм формулировок некоторых авторов наподобие "Я произношу [f] билабиально с боковой щелью" [91, с. VIII], не говоря уже о курьезных попытках объяснить, например, своеобразие звукового строя верхнесаксонского диалекта размерами языка и толщиной черепных костей его носителей [52, с. IX]. Однако и в наше время встречается переоценка значимости изощренного слуха фонетиста, использующего в полевых записях до 80 и более транскрипционных знаков [94, с. 36–39]. В этой связи уместно вспомнить слова Л. Блумфилда о том, что «"точные" записи, сделанные от руки фонетистами-энтузиастами, обычно настойчиво фиксируют нерелевантные акустические различия, внимание к которым объясняется, собственно, только тем обстоятельством, что исследователь научился на них реагировать» [4, с. 131]. Не менее широко распространена вера в некие особые возможности экспериментальной, или инструментальной, фонетики. Однако все, что недоступно слуху рядового носителя диалекта и улавливается только с помощью специальных приборов, для лингвистики вообще представляет второстепенный интерес. Что же касается задач сегментации речевого потока и отождествления сегментов, то они не являются акустическими или физиологическими и потому принципиально не могут решаться естественно-научными методами [16, с. 17; 37, с. 46–47; 43, с. 112–113]. В антропофонической субстанции содержится богатая информация, позволяющая помимо прочего по голосу узнавать знакомых, определять пол и возраст собеседника, судить о его душевном состоянии и т.д. Однако следует лишний раз подчеркнуть, что коммуникативной значимостью обладают только весьма немногочисленные относительно простые и грубые различия, доступ-

ные для реализации и воспроизведения любому носителю диалекта в обстановке, далекой от идеальных условий фонетической лаборатории. Выделить такие различия из массы других не способна никакая аппаратура.

Субстанция принадлежит к важнейшим аспектам любой системы [наряду с ее структурой и функцией [29, с. 4]. Звуковая субстанция является необходимым условием самого существования фонологических систем и во многом определяет выбор путей их развития и их структурное своеобразие. Только учет субстантных факторов наравне с прочими дает адекватное решение вопроса о причинах языковых изменений [33, с. 6–9]. Полное отвлечение от антро-пофонической субстанции при любом фонологическом описании просто невозможно. Тем не менее в современной типологии в отличие от классической субстантивное сходство не считается основанием для системных сравнений [39, с. 8–9], и субстантные факторы отступают на второй план перед структурными.

Наконец, необходима еще одна оговорка, касающаяся отвлечения от дистрибуции системных элементов в речи. По определению Н.С. Трубецкого [89, с. 262], диалектные фонологические различия распадаются на инвентарные и функциональные. В первом случае один диалект обладает фонемой, неизвестной другому диалекту; во втором – фонема выступает в диалекте в такой позиции, в которой в другом диалекте не встречается. Сходное деление на инвентарные и дистрибутивные различия проводится У. Вайнрайхом [90]. Хотя между различиями обоего рода, по-видимому, имеется определенная взаимосвязь и дистрибуция фонологических единиц сама по себе может быть весьма информативной (например, неодинаковое распределение звонких и глухих согласных в позиции после кратких гласных в нижненемецких и верхненемецких говорах), от рассмотрения таких моментов приходится отказаться по той причине, что они относятся к закономерностям текста, в то время как предметом типологии в нашем случае являются не тексты, а системы (см. [39, с. 49]).

Наряду с различиями диалектным системам одного языка свойственны также и некоторые общие принципы их организации. Более того, надо полагать, что степень их структурного изоморфизма весьма высока, и диалектология может быть построена как типология систем с преобладающим сходством [44, с. 218]. Один из способов сравнения этих систем состоит в конструировании из них системы более высокого ранга, или диасистемы, по терминологии У. Вайнрайха. В такой диасистеме выделяются общедиалектное инвариантное ядро и частные варианты структурные типы, образующие ее периферию. Еще раз подчеркнем, что и то, и другое – одинаково важные объекты фонологического описания.

Структурно-типологический подход, имеющий, как видим, свои ограничения, не заменяет других подходов и методов, а является дополнительным. Он позволяет выделить дискретный объект; однако это не конкретный диалект, определяемый на основе экстралингвистических критерииев, например швабский, для которого устанавливается набор фонологических особенностей. За точку отсчета принима-

ется некая обобщенная фонологическая система (моделируемая, разумеется, на основе фактических данных), с которой соотносятся отдельные системы конкретных диалектов в качестве ее манифестаций. Таким образом, речь идет лишь об ином взгляде на вещи, не только допустимом, но даже необходимом, если учесть, что сложные объекты не могут быть исчерпывающе описаны одним только методом и требуют построения нескольких моделей [36, с. 62; 37, с. 23].

Нужно отметить, что даже в рамках этого подхода нижеизложенное описание не является единственно возможным, поскольку фонологические решения вообще не знают окончательности, характерной, например, для всякого математического решения [42, с. 66]. Вполне допустимо описание одного и того же языка или диалекта в терминах разных фонематических систем [37, с. 74–75], совмещение которых отнюдь не исключено даже для одного и того же говорящего. Имеются веские аргументы в пользу предположения о "принципиальной вариабельности фонологической системы, о лабильности ее внутренних и внешних связей – как в плане онтогенеза применительно к одному и тому же носителю языка, так и в плане различий между индивидуальными языковыми системами" [16, с. 54]. Следует согласиться с тем, что "человек пользуется одновременно многими системами анализа и синтеза, ведущими на уровне речи к более или менее сходному результату (возможно, и целиком однаковому)" [37, с. 19]. Иными словами, природа языка как сложного и не целиком детерминированного устройства допускает атрибуцию нескольких фонологических систем одному диалекту и, наоборот, одной системы нескольким диалектам. Об этом свидетельствует, в частности, феномен междиалектного общения, когда понимание незнакомого диалекта достигается в результате приблизительного "пересчета" единиц чужой системы на привычные [16, с. 71].

Унифицированное описание разных систем через одни и те же предельные компоненты – непременное условие их сопоставимости, необходимой для построения их типологии [44, с. 220].

Фонология нуждается в понятии простой, т.е. нечленимой и постоянно тождественной самой себе единице, функциональные свойства и системные связи которой и составляют предмет ее исследования. Однако такая единица не задана заранее [16, с. 7; 36, с. 94; 37, с. 18]; вопрос о ее выборе возникает потому, что любая исследуемая система может расчленяться существенно различными способами, и чисто онтологический подход к понятию системного элемента просто лишен смысла. Элемент представляет собой не более чем "далее неделимый компонент системы при данном способе расчленения" [3, с. 184–185].

Для неосознанных стихийно-фонологических представлений, послуживших основой создания звукового письма, такими единицами были элементы, естественно выделяемые в речи без помощи каких-либо специальных средств и инструментов, – слог для слоговой письменности либо его части – гласные и согласные звуки для письменности алфавитной. Возникшая значительно позже фонетика как особая научная дисциплина со своими все более совершенными

методами акустического и физиологического анализа антропономической субстанции показала огромное разнообразие и членимость звуков, что грозило подорвать веру в реальность существования каких-либо функциональных звуковых единиц [31, с. 138–139]. Поэтому восстановление в правах функционального аспекта звукового строя языка стало первой задачей фонологии, основателю которой принадлежит классическое определение понятия фонемы.

Авторитет Н.С. Трубецкого надолго утвердил фонему в статусе минимальной фонологической единицы. Такой выбор имел свои объективные причины в период становления новой науки [31, с. 142]. Однако Н.С. Трубецкой несомненно отдавал себе отчет в том, что фонема в действительности не элементарна. Это нашло отражение как в противоречивости некоторых его формулировок (см. [Там же, с. 140]), так и в весьма примечательном прямом предостережении против фонемоцентризма: “Фонемный инвентарь языка есть собственно лишь коррелят системы фонологических оппозиций. Нельзя забывать, что в фонологии главная роль принадлежит не фонемам, ‘различительным оппозициям’” [89, с. 60]. Мысль о разложимости фонемы высказывалась некоторыми другими фонологами Пражской школы [31, с. 142] и впоследствии легла в основу широко известной концепции Р. Якобсона с исходным тезисом о фонеме как пучке различительных признаков.

Признание фонемы сложным объектом не было лишь уступкой экспериментальной фонетике; оно отвечало логике развития и потребностям самой фонологии. Не в последнюю очередь оно продиктовано интересами типологии: ведь элементы неидентичных фонологических систем непосредственно друг с другом несопоставимы, и для их описания необходима единица меньшая, чем фонема.

Дихотомическая модель Р. Якобсона, Г. Фанта и М. Халле [49] сыграла чрезвычайно важную роль в практике типологических исследований и послужила базой для целого ряда модификаций. Вместе с тем она вызвала и серьезную критику вплоть до полного отрицания плодотворности как исходных положений, так и получаемых на их основе результатов, и эту критику следует во многом считать справедливой. Нужно согласиться с тем, что объект не состоит из признаков и на них не разлагается, иначе говоря, сумма признаков не дает объекта, поскольку признаки не линейны; сами признаки не выделимы до выделения объекта и определение фонемы как совокупности дифференциальных признаков по существу тавтологично [5; 15, с. 42; 16, с. 98; 40, с. 196–199]. Возражения вызывает, конечно, и само стремление к окончательному решению всех фонологических проблем на основе закрытого списка неких признаков, претендующих на универсальность. Необходимо подчеркнуть также, что сами признаки оказываются при этом лишь средством описания фонем, фактически сохраняющих статус минимальных фонологических единиц.

Виной всему логическая ошибка (или, возможно, терминологическая небрежность), содержащаяся в указанном определении фонемы. Имеются два пути устранения этой ошибки: либо понятие

различительного признака сохраняется и фонема остается неразложимой, предельной единицей фонологии; либо, напротив, фонема рассматривается как совокупность единиц более низкого ранга, которые в этом случае нельзя считать ее признаками, т.е. качествами или свойствами [31, с. 142].

На выборе первого пути, так сказать, "назад к Трубецкому", настаивает, например, В.Б. Касевич, утверждая, что "фонема не сводится к дифференциальным признакам, а характеризуется ими. Фонема и дифференциальный признак находятся в обычном отношении объекта и его существенных свойств" [16, с. 99]. По причине, названной выше, для типологии этот путь неприемлем, поскольку в данном случае она свелась бы к чисто типографическим проблемам изображения фонологических систем на бумаге. Помимо этого взгляд на фонему как на предельную единицу плохо согласуется с реальностью. Известны бесспорные примеры членности фонем на более мелкие функциональные единицы. Например, в ирландском языке экспоненты морфем не обязательно содержат кратное число фонем, т.е. не всегда делятся на них "без остатка", а некоторые из них состоят менее чем из одной фонемы [7, с. 79]. Такие морфемы имеются также в славянских и германских языках [31, с. 165].

Более конструктивной представляется концепция В.Я. Плоткина, отличающаяся последовательным отказом от фонемоцентризма [27; 30; 31; 33; 76]. Понятие фонемы в ней не отвергается, но фонема не считается ни единственной, ни универсальной, ни предельной фонологической единицей. Она – величина вторичная, производная, сложный объект – объединение особых единиц нижележащего субфонемного яруса, которые обозначаются термином И.А. Бодуэна де Куртенэ "кинакема", получающим новое содержание. Подобно любым другим языковым единицам, кинакемы обладают собственными субстантными, функциональными, парадигматическими и синтагматическими характеристиками.

Субстантными реализациями этой единицы служат артикуляционные движения и их акустические корреляты. Кинакема определяется как "минимальная единица коммуникативно значимой иннервации речевого аппарата", в то время как за фонемой сохраняется статус минимальной звуковой единицы [31, с. 143]. Мысль об иннервационной базе фонологических систем уже высказывалась в прошлом, и она по сей день вызывает запоздалую критику, которую, разумеется, нельзя принимать всерьез, если в доказательство утверждения о якобы недискретном характере нервных импульсов выдвигается такой в данном случае странный аргумент, как их высокая частота за единицу времени [16, с. 240]; кажется вполне очевидным, что частота как раз предполагает дискретность. Что касается относительно большого количества импульсов–команд в секунду, то оно совершенно естественно, поскольку "между кинакемой как языковой единицей и артикуляционно–перцептивными работами нет однозначного соответствия. Всякая система языковых единиц представляет собой способ членения определенной субстанции,

причем многообразие послелней гораздо богаче инвентаря единиц в системе. Отсюда неизбежность субстантной комплексности любой языковой единицы. Кинакема по своей природе также комплексна, она может реализоваться совокупностью нескольких артикуляционных движений" [31, с. 144] (см. также [24, с. 164; 25, с. 14 15]).

Из сказанного следует, что кинакемы в принципе допускают как артикуляторную, так и акустическую трактовку; однако по практическим соображениям предпочтительнее все же первая из них. Акустические характеристики, на которых строится модель Р. Якобсона, не имеют каких-либо особых преимуществ, а в ряде случаев они попросту расплывчаты и условны. "Фонетисты, еще не научились читать спектрограммы с той же точностью, с какой изучены типы артикуляции, и еще неизвестно, возможна ли вообще такая однозначность прочтения" [37, с. 84], ведь один и тот же акустический эффект может достигаться различной артикуляцией. Кроме того, артикуляторная интерпретация выдержана в подавляющем большинстве исследований, служащих исходным материалом для диалектной типологии.

Объектом описания в этой работе являются два аспекта: парадигматика кинакем и их внутрифонемная сочетаемость.

Будучи особыми единицами, а не признаками других единиц, кинакемы образуют не универсальный закрытый перечень, а системы, специфические для отдельных языков или диалектов и обнаруживающие последовательно дихотомическое строение. Формулировка определений в бинарных терминах отражает приоритет относительной, фонологической точности над точностью экспериментально-фонетических данных.

Принцип бинарности, которому Р. Якобсон придал глобальное значение, по-прежнему вызывает споры и даже резко отрицательную реакцию как искусственный прием, обделяющий и искажающий языковую реальность. Не имея возможности останавливаться на этом подробнее, отметим все же, что дихотомические модели представляют не только удобный инструмент для типологических сопоставлений [16, с. 92]; дихотомия, по-видимому, действительно свойственна природе многих языковых единиц, прежде всего единиц низших ярусов [31, с. 160; 38, с. 186]. "Там, где лингвисты доходят до первоэлементов своей науки, они несомненно имеют дело с четкими бинарными противопоставлениями, хорошо описываемыми аппаратом двузначной логики" [36, с. 63].

Фундаментальным типом бинарной структуры является оппозиция. Этим термином здесь и далее обозначается не отношение между фонемами, а пара контрадикторных, разнознаковых кинакем — положительной и отрицательной [31, с. 145, 147, 153], одна из которых обязательно предполагает существование другой. К оппозиции в таком понимании неприложимо обычное понятие нейтрализации; нулем в матрице обозначается невхождение ни одной из двух парных кинакем в состав некоторой фонемы. В системах предельных фонологических единиц оппозиции образуют иерархически низший ярус [Там же, с. 151-154].

Типологическое своеобразие звукового строя отдельных языков и диалектов обусловлено прежде всего различиями в парадигматике кинакем. Такие различия обычно немногочисленны, но носят наиболее глубинный характер. Парадигматические изменения происходят чрезвычайно редко – на протяжении всей истории немецкого, как и других германских языков, они были буквально единичными (см. [33]), – но при этом они всегда влекут за собой очень важные последствия (ср. [42, с. 14]).

Чаще наблюдаются различия в симультанной синтагматике кинакем, под которой понимается их способность формировать устойчивые, узуально закрепленные блоки, т.е. фонемы [31, с. 160–161]. Объединение кинакем в стандартные блоки – естественный результат процессов оптимизации кода, присущих языку как самонастраивающейся системе. Нужно отказаться от упрощенного представления об абсолютной линейности речевой цепи; подобная линейность в действительности свойственна разве что азбуке Морзе. Речь вовсе не является одномерной последовательностью каких бы то ни было единиц одинакового ранга, и даже слова не составляют исключения в этом смысле [22, с. 81–82]. Строгое соблюдение принципа линейности привело бы к построению необозримых по своей протяженности высказываний. Количество единиц, которыми приходится оперировать говорящему (и слушающему), несомненно, ограничено, что вынуждает укрупнять сами эти единицы. Необходимость структурного укрупнения фонологических единиц вызывается помимо такого рода функциональных также и субстантными факторами: только нелинейная, симультанская группировка кинакем делает возможной их реализацию в виде звуков и тем самым обеспечивает их передачу и восприятие [31, с. 161] (см. также [21, с. 205–207; 36, с. 85]), хотя в простейшем случае фонема может состоять и из одной кинакемы.

Внутрифонемная сочетаемость кинакем регулируется разнообразными закономерностями, отчасти общими для всех диалектов и определяющими обязательную совместность, свободную совмещаемость или же несовместимость некоторых из этих элементарных компонентов фонем. Следует особо подчеркнуть, что кинакемная комбинаторика в значительной мере обусловлена антропофоническими факторами [31, с. 164]. Зачастую именно они способствуют либо препятствуют объединению определенных кинакем и даже прямо диктуют одни их сочетания и запрещают другие, хотя подобная зависимость также не имеет всеобщего характера.

Итак, в целом ни субстантная реализация отдельных кинакем, ни их количественный состав, ни их парадигматика, ни внутрифонемная синтагматика не являются полностью идентичными не только в разных языках, но и в близкородственных диалектах одного языка, в частности немецкого. Универсальны лишь некоторые наиболее общие принципы их системной организации и прежде всего их деление на две подсистемы – вокалическую и консонантную. Игнорировать это деление невозможно: даже общность антропофонического субстрата вокализма и консонантизма весьма относительна

[36, с. 101-102]; в лингвистическом же плане они тем более представляют собой "две автономные подсистемы с существенно различной функциональной ролью в построении звуковых последовательностей" [31, с. 145].

Простейшим, по меньшей мере для неслоговых языков, является вокализм, строящийся на двух оппозициях – модальной (растворной) и локальной (тембровой). Предположительно такой была трехчленная подсистема гласных в общегерманском на самой ранней стадии его развития: положительная кинакема широкого раствора была представлена в гласной /a/; отрицательная неширокого раствора объединялась с положительной тембровой кинакемой заднего ряда в фонеме /u - o/ и с отрицательной незаднего ряда в фонеме /i - e/; обеим нешироким фонемам было свойственно значительное аллофоническое варьирование по раствору [33, с. 26-27].

Последнее обстоятельство чрезвычайно важно для понимания одного из узловых моментов как при описании эволюции фонологических систем, так и при построении их типологии – процесса расщепления одной оппозиции на две и развертывания, "разращения" первичного ядра кинакемной парадигматики. Возможность такого расщепления следует из известного тезиса о неравнообъемности членов привативной оппозиции, т.е. контрадикторного противопоставления типа А/не-А, согласно которому большим объемом значения или значимости, более свободной синтагматической сочетаемостью, большей частотностью в речи, более широкой вариантностью реализации обладает отрицательный, слабый член [51, с. 102-103]. Если маркированный член может пониматься только как "выражение А", то содержание немаркированного члена неэлементарно и включает в себя как "не-выражение А", так и "выражение не-А" (а, например, В, т.е. некоторой другой величины). Этот второй компонент, в свою очередь, может служить основой для нового контрадикторного противопоставления В/не-В, т.е. для новой бинарной оппозиции, сопряженной с первой. Механизм подобных преобразований в грамматических и фонологических системах подробно описан в [26; 28, с. 109-113; 29, с. 21-22, 36; 31, с. 154].

Более свободные границы субстантной реализации совершенно естественны для отрицательной кинакемы неширокого раствора. В ее антропофоническом поле, в целом контрадикторном по отношению к субстантной базе положительной кинакемы, выявляется частный компонент, контратрарный ей и потенциально способный служить субстратом для положительной кинакемы в новой оппозиции узкого и неузкого раствора. Две сопряженные оппозиции дают по меньшей мере три сочетания кинакем, входящие в состав гласных соответствующих растворных классов:

широкого и неузкого раствора – /a/;
неширокого и неузкого раствора – /e/, /o/;
неширокого и узкого раствора – /i/, /u/.

В вокализме некоторых германских языков и диалектов представлено также и сочетание двух положительных растворных кинакем, т.е. различаются четыре ступени раствора.

Разворачивание новой оппозиции может происходить и иначе: путем расщепления не только отрицательной, но и положительной кинакемы. Так, положительная тембровая кинакема часто реализуется в виде объединения двух артикуляций – сдвига языка назад и одновременного округления губ, которые относительно легко отчленяются друг от друга, и тогда прежняя оппозиция с синкетической субстантной базой как бы раскалывается "повдоль" на две пары кинакем: заднего и незаднего ряда; огубленности и неогубленности. В результате появляется возможность формирования гласных трех тембровых классов, один из которых отличается внутрифонемным совмещением отрицательной кинакемы незаднего ряда с положительной кинакемой лабиализации; именно к этому сводится сущность так называемого умлаута на "i" [33, с. 61-62].

Наряду с перечисленными первичными модальными и локальными оппозициями, имеющими статический характер, в вокализме германских языков большую роль играют и оппозиции динамические, указывающие на наличие или отсутствие в артикуляции гласных второй фазы и на динамику артикуляции [27, с. 33]. К ним относятся парные объединения кинакем протяженности либо абруптивности, а также растворного и тембрового скольжения и некоторые другие.

Ядро консонантной подсистемы сложнее и состоит из четырех пар кинакем – двух модальных и двух локальных [76, с. 277-278] :

Одна из модальных оппозиций отражает способ образования преграды и формирует два класса согласных: положительная кинакема проточности входит в состав щелевых; отрицательная непроточности – в состав смычных. Звуковая оппозиция образует два других класса, пересекающихся с первыми двумя: класс сонорных фонем, содержащих положительную кинакему, и класс несонорных, содержащих отрицательную кинакему.

Кинакемы локальных оппозиций обеспечивают различие согласных, компонентами которых они являются, по участию артикулирующих органов – активных и пассивных. Положительная активно-локальная кинакема лабиальности содержится в составе губных, отрицательная нелабиальности – в составе язычных фонем. Лишь у некоторых из последних имеются также пассивно-локальные кина-

Таблица 1

Активные		+	-	-	-
Пассивные		0	0	-	+
Преград-	Звуковые	.	,	,	,
ные					
-	-	r	t	k	
-	+	m	n	ŋ	
+	-	f	s		
+	+	v	l		

кемы — положительная нёбности, палатовелярности, либо отрицательная ненёбности, т.е. дентальности или альвеолярности. Обоснование выбора направленности маркировки в каждой из четырех оппозиций дается в [31, с. 146–148].

На такой основе строится консонантизм простейшего вида, примером которого может служить полинезийский о-ов Эллис [19, с. 26] (табл. 1).

Обратим внимание на сонорные согласные. В консонантной подсистеме нет места для особых кинакем назальности или непрерывности. Назальность — только субстантно обусловленное следствие объединения кинакем непроточности и сонорности, которое антропофонически просто не может быть реализовано иначе, точно так же как "непрерывность" или "латеральность" фонемы /l/ в данном случае всего лишь субстантное воплощение сочетания кинакем сонорности и проточности, хотя плавные согласные в принципе могут иметь и несколько иной кинакемный состав [76, с. 280–281].

В других языках представлены более сложные парадигматические образования, являющиеся результатом расщепления одной или нескольких первичных оппозиций описанным выше способом. На основе выделения положительной кинакемы смычности, контрарной кинакеме проточности происходит преобразование первичной преградной оппозиции в две сопряженные, что обеспечивает формирование трех классов фонем: проточных несмычных; непроточных смычных и класса аффрикат, объединяющих в себе положительные кинакемы смычности и проточности. На базе отрицательного члена звуковой оппозиции (кинакема кесонорности) возникает сопряженная с ней оппозиция шумности/нешумности и вместе с ней особый промежуточный класс согласных, совмещающих две однознаковые кинакемы: либо положительные сонорности и шумности, либо отрицательные несонорности и нешумности. Первое из этих сочетаний свойственно звонким согласным, второе сочетание антропофонически реализуется в низкой сонорности и малой шумности так называемых глухих слабых (lenes) [31, с. 149–150].

Аналогичному расщеплению подвергаются и локальные оппозиции, предпосылкой чего является наличие естественного центра артикуляционного аппарата, образуемого передней частью языка и зубами или альвеолами. Так, наряду с активно-локальной оппози-

цией предцентральности (лабиальности)/непредцентральности (язычности) развертывается сопряженная с ней оппозиция зацентральности/незацентральности, положительная кинакема которой реализуется в периферийной заднеязычной либо заязычной (фарингальной) артикуляции. Две отрицательные активно-локальные кинакемы – не-предцентральности и незацентральности – сочетаются в составе переднеязычных фонем. Обычно именно эти последние включают в себя также и одну из пассивно-локальных кинакем – зацентральности (палатовелярности) либо незацентральности (дентально-альвеолярности) [31, с. 149–150].

Расщепление первичной пассивно-локальной оппозиции затруднено субстантными факторами и встречается относительно редко, из языков Европы оно отмечено лишь в английском и албанском [76, с. 283]. Чаще в подсистему включаются некоторые дополнительные модальные или локальные оппозиции, кинакемы которых обладают максимально широкой внутрифонемной сочетаемостью. Например, дополнительная оппозиция палатализации в русском или протяженности в шведском языках обеспечивает увеличение консонантного инвентаря почти вдвое [31, с. 156–159; 33, с. 92–93].

Подводя итог изложенному выше, следует еще раз подчеркнуть, что предметом рассмотрения в данной модели являются фонологические системы двоякого рода: во-первых, системы кинакем – предельных фонологических единиц; во-вторых, системы стандартных для данного языка или диалекта кинакемных блоков, т.е. фонем. Само собой разумеется, что различия в парадигматике кинакем обязательно отражаются на фонемном составе; именно этим объясняются типологические расхождения между фонологическими системами маори и английского, французского и русского языков и т.п. [31, с. 148–158]. Вместе с тем весьма несходные подсистемы гласных или согласных могут строиться на одной и той же подсистеме кинакем. Примером может служить довольно распространенная подсистема консонантных кинакем, состоящая из одной преградной оппозиции проточности, двух звуковых и трех локальных оппозиций. Она была исходной общегерманской (см. ниже) и сохраняется до настоящего времени в ряде германских языков, в частности в нидерландском [33, с. 72] (табл. 2). На той же основе конструируется, например, консонантизм эвенкийского языка [18, с. 20–24], явно никак не связанного с нидерландским (табл. 3).

Нужно полагать, что помимо очевидных расхождений в комбинаторике кинакем, отражающихся на фонемном инвентаре нидерландского и эвенкийского языков, неодинакова и субстантная реализация кинакемных сочетаний в силу заведомо разной артикуляционной базы в обоих языках. Однаковы для обеих консонантных подсистем только такие самые общие моменты, как количество локальных рядов, отсутствие аффрикат, наличие трех классов согласных по соотношению тона и шума.

Признание ведущей роли за различиями в кинакемной парадигматике обеспечивает желаемую степень отвлечения от уникальности диалектных фонологических систем. Кроме того, оно избавляет

Таблица 2

Активные Пассивные	{ предцентральности зацентральности	+	-	-	-	-	
		-	-	-	-	+	
Проточность	Сонорность	Шумность					
-	-	+	p	d	t	t'	k
-	+	+	b	n			
-	+	-	m				
+	-	+	f		s	s'	x
+	+	+	v		z	z'	χ
+	+	-	w		l	j	ꝝ

Таблица 3

Активные Пассивные	{ предцентральности зацентральности	+	-	-	-	-	
		-	-	-	-	+	
Проточность	Сонорность	Шумность					
-	-	+	p		t	t'	k
-	+	+	b		d	d'	ꝝ
-	+	-	m		n	n'	ꝫ
+	-	0	s				h
+	+	0	w		r	l	

от необходимости точного определения фонемного состава, нередко связанный с немалыми трудностями. Системный статус отдельных периферийных фонем может вызывать сомнения, для кинакем такие сомнения исключены. В любом случае некоторая пара кинакем либо входит в вокальную или консонантную подсистему, либо нет, в то время как некоторое кинакемное объединение, не запрещенное в принципе, тем не менее по каким-то причинам может остаться нереализованным или оказывается факультативным, редким, отмеченным только в заимствованиях и т.п. [76, с. 286].

Концепция, основанная на понятии кинакемы как первичной фонологической единицы, не ограничивается лишь переформулировкой и новым решением основных проблем теоретической фонологии. Она обнаруживает большую объяснительную силу и способствует раскрытию причинно-следственного механизма динамики фонологических систем, выдержав проверку на адекватность на материале шести германских языков [33]. Это обстоятельство является решающим при ее выборе в качестве основы типологического описания.

В работе используется транскрипция, принципы которой изложены в [11, с. 628–629].

2. ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ В НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

Важнейшие фонологические различия между немецкими диалектами возникли в весьма отдаленное время, некоторые из них сохраняются на протяжении свыше тысячи лет. Целесообразно воспроизвести хотя бы в общих чертах описание главных этапов эволюции исходной фонологической системы (см. [33, с. 55–67]).

Как известно, в основу немецкого языка легли прежде всего четыре диалекта крупных западногерманских племен: нижнесаксонский, относившийся к ингвеонским, т.е. к диалектам "североморских" германцев; франкский (иствеонский) и два эрмионинских – леманнский и баварский.

При наличии ряда расхождений в прочих отношениях первоначальное единство звукового строя с достаточной достоверностью реконструируется для западногерманского в целом [33, с. 28–29, 37–38]. Известно также, что степень активности отдельных диалектов была неодинакова. Одни из них являлись центрами мощных процессов системных перестроек, в то время как роль других ограничивалась отбором, адаптацией и посредничеством в распространении инноваций [67, с. 399–400]. Ведущими оказались два таких центра – эрмионинский юг с рано примкнувшей к нему южной частью франкского и нижнесаксонский север. Первый стал очагом кардинальных консонантных изменений, второй – источником не менее радикальных, но хронологически более поздних изменений в вокализме.

Ядро западногерманской консонантной подсистемы образовывали шесть оппозиций – три модальные и три локальные, унаследованные от общегерманского.

Вначале имелась только одна преградная оппозиция, ее положительная кинакема проточности входила в состав согласных /f/, /β/, /s/, /χ/, /w/, /l/, отрицательная непроточности – в состав смычных /p/, /t/, /k/, /m/, /n/. Никаких преградных кинакем не включали в себя фонемы /b – v/, /d – Ȱ/, /g – ȝ/, имевшие как смычные, так и проточные аллофоны, обусловленные комбинаторно.

Две звуковые оппозиции, сопряженные друг с другом, формировали три класса фонем: сочетание кинакем сонорности и нешумности было представлено в структуре согласных /m/, /n/, /w/, /l/, /r/, /j/; сочетание кинакем шумности и несонорности – в составе глухих /p/, /t/, /k/, /f/, /β/, /s/, /x/; в звонких /b – v/, /d – Ȱ/, /g – ȝ/ объединялись положительные кинакемы сонорности и шумности.

Две сопряженные активно-локальные оппозиции давали также три сочетания кинакем: 1) предцентральности (лабиальности) и

Таблица 4

Кинакемы	p	t	k	m	n	b	d	g	f	β	s	x	w	r	l	j
Модальные:																
преградные	проточно-	-	-	-	-	0	0	0	+	+	+	+	+	+	+	
сти																
звуковые	{ сонорно-	-	-	-	+	++	+	+	-	-	-	+	++	+		
сти																
	{ шумности	+	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-	-	
Локальные:																
активной	{ предцент-	+	-	-	+	-	+	-	-	-	+	-	-	-	-	
	ральности															
	{ зацент-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+	
	ральности															
пассивной	зацент-	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	0	0	-	+	
	ральности															

незацентральности – у губных /p/, /b - v/, /m/, /f/, /w/ ; 2) зацентральности (заднеязычности) и непредцентральности – в составе /j/, /k/, /g - γ/, /x/ ; 3) обеих отрицательных кинакем – в составе переднеязычных (т.е. центральных) /t/, /d - đ/, /β/, /n/, /l/, /s/, /r/.

В пассивно-локальной оппозиции участвовали лишь четыре переднеязычных согласных: положительную кинакему пассивной зацентральности (постдентальности) имели фонемы /s/ и /l/, место образования протока у которых было более задним, чем у /β/ и /r/ соответственно.

Каких-либо иных рядов в консонантизме не существовало, поскольку /x/ и /h/ явно были аллофонами, а лабиовелярные подверглись синтагматическому щелению (ср. [41, с. 23, 54]). Внутрифонемная сочетаемость перечисленных шести пар кинакем приводится в табл. 4.

Важным событием явилось становление новой преградной оппозиции протяженности в ходе так называемого западногерманского удлинения согласных. Возникшая в результате монофонемизации нескольких общегерманских геминат как тавтофонемных сочетаний, она распространяется затем на все согласные за исключением проточных сонорных /w/ и /j/ [33, с. 30–31, 38]. Разворачивание этой четвертой модальной оппозиции таким образом обеспечивало увеличение фонемного инвентаря почти вдвое.

Однако, как видно из табл. 4, отношения в консонантизме той эпохи в целом не были оптимальными. Прежде всего обращает на себя внимание количественный перевес маркированных проточных над немаркированными смычными. Такое положение противоречит хорошо известной универсалии Дж. Гринберга, в соответствии с которой число маркированных фонем не должно превышать количество немаркированных членов той же фонематической оппозиции

(см. [25. с. 80]). Надо думать, что подобные диспропорции нежелательны и устраняются одним из двух способов: либо путем изменения направленности маркировки членов оппозиции на обратную, либо путем увеличения общего относительного количества немаркированных элементов в системе. Первое впоследствии имело место в вокализме (см. ниже); в консонантной подсистеме соотношение проточных и смычных выравнилось за счет внутреннего резерва – звонких /b-v/, /d-d/, /g-y/. Их исключение из сферы действия оппозиции проточности не было нормальным: отмечается, что согласным фонемам обычно свойствен полный набор модальных кинакем [31, с. 163]. Поэтому они вполне закономерно присоединились к немаркированным, став во всех положениях смычными. Ранее всего и с наибольшей последовательностью этот процесс прошел в южнонемецком, где он охватил все три названные фонемы; намного медленнее он протекал на севере, причем в отдельных случаях аллофоническое варьирование упорно сохраняется по сей день, особенно у /g-y/ [34, с. 68-71; 41, с. 45-46]. Забегая вперед, отметим также другие факты, несомненно способствовавшие изменению общего соотношения в пользу немаркированных, а именно: переход проточного /þ/ в смычный /d/ (также с большим временным разрывом между югом и севером [12, с. 130]); монофонемизацию бифонемного сочетания *ng*, давшую еще одну непроточную фонему; для верхненемецкого, кроме того, слияние двух разных /s/ – старого германского и нового, возникшего в результате перебоя согласных, что сократило количество проточных на одну фонему.

Не менее серьезную проблему создавали сложившиеся взаимоотношения обеих звуковых оппозиций, также далекие от оптимальных. Оптимум предполагает определенный баланс положительных и отрицательных кинакем, исключающий избыток как тех, так и других [31, с. 163]. Обращение же к табл. 4 показывает опять-таки общую перегрузку положительных кинакем сонорности и шумности, входивших в структуру преобладающего большинства согласных фонем, и это состояние также не могло быть устойчивым. Самое простое и естественное решение, очевидно, должно было коснуться наиболее напряженного участка системы – тех же самых звонких, т.е. дважды маркированных /b/, /d/, /g/, и заключалось в замене сочетания двух положительных звуковых кинакем в их составе на сочетание двух соответствующих отрицательных – несонорности и нешумности (в антропофонической реализации слабой сонорности и слабой шумности). Как было отмечено, оба сочетания логически равноправны и обеспечивают одинаковый фонологический эффект: оба они формируют класс согласных, промежуточных между сонорными и шумными [Там же, с. 150; 76, с. 281-282]. Не приходится сомневаться, что такое изменение рано или поздно действительно произошло в большинстве немецких диалектов, хотя оно принадлежало к числу тех, которые не находят отражения на письме (см. [42, с. 14]). Новая комбинаторика модальных кинакем приводится в табл. 5.

Таблица 5

Кинакемы	p	t	k	m	n	b	d	g	f	þ	s	x	w	r	l	j
протяжен-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	-	-	0	
х	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	+	+	0	
проточности	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	
сонорности	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	
шумности	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	
	p:	t:	k:	m:	n:	b:	d:	g:	f:	þ:	s:	x:	r:	l:		

* Знаки в первой и второй строках в табл. 5, 6 принадлежат соответственно непротяженным (вверху) и протяженным (внизу таблицы).

В дальнейшем сочетание двух отрицательных звуковых кинакем могло не только закрепиться, но и распространиться на другие фонемы, как это было в нижненемецком ареале, где положительную кинакему сонорности утратили проточные /w/ и /j/, в настоящее время представленные соответственно лабиодентальным и палатальным спирантами, десоноризация которых единодушно отмечается исследователями (см., например [11, с. 337–338; 63, с. 46–47; 73, с. 166]).

Иначе обстояло дело в верхненемецком, где в конечном счете все типы сочетаний звуковых кинакем были ликвидированы вследствие полного свертывания оппозиции шумности (последняя строка в приведенной матрице). При этом в одних случаях решающую роль сыграл, очевидно, тот факт, что она была явно избыточной для проточных согласных, достаточно хорошо различавшихся по оппозиции сонорности, обладающей более высоким иерархическим рангом (см. [31, с. 148]). Хотя в составе смысловых кинакемы шумности и нешумности избыточными не были, это не исключало их устранения даже без какой-либо компенсации в ходе известного центральнонемецкого ослабления согласных. Дефонологизация этой оппозиции означала слияние /p/, /t/, /k/ и /b/, /d/, /g/ в единый класс несонорных, различия между которыми либо снижаются до уровня аллофонических, либо исчезают совсем. Подобное парадигматическое упрощение, приводящее к заметным потерям в фонемном инвентаре, несомненно шло вразрез с функциональными потребностями. Тем не менее информационная избыточность системы была, очевидно, настолько высока, что сокращение фонемного инвентаря не требовало обязательной компенсации, о чем свидетельствуют данные ряда современных средненемецких диалектов [11, с. 307–311].

Наиболее масштабные изменения произошли в южненемецком – области второго перебоя согласных, сущность которого заключалась в повышении общей значимости преградных кинакем при одновременном понижении статуса кинакем звуковых. Первым шагом в этом

или привлечении был уже сам факт расширения сферы действия оппозиции проточности на фонемы, прежде стоявшие вне ее, т.е. последовательное и фронтальное утверждение взрывных /b/, /d/, /g/ независимо от комбинаторных условий (см. выше). Если раньше в основе первичного членения западногерманских согласных лежали шумковые кинакемы сонорности и несонорности:

b ~ v	p	f
d - d̪	t	β
g - γ	k	x

то теперь в южнонемецком эта роль отошла к преградным кинакемам проточности и непроточности:

f	p	b
β	t	d
x	k	g

[33, с. 57]

За устранием аллофонического вариевания у названных фонем в пользу немаркированных непроточных, т.е. смычных /b/, /d/, /g/, последовал второй шаг – развертывание новой преградной оппозиции, сопряженной с прежней и контрапарной ей, т.е. такой, в которой положительной является именно кинакема смычности. Сочетания кинакем этих двух оппозиций формируют три класса фонем; одним из них наряду с собственно проточными и собственно смычными является класс аффрикат, объединяющих обе положительные кинакемы – смычности и проточности. В него вошли согласные, субстантивные свойства которых особенно благоприятствовали их аффрикованию, – несонорные шумные (глухие) /p/, /t/, /k/: протяженные – во всех случаях (*skepfen*, *kopf*); краткие – в начальной позиции и после сонорных согласных (*pfund*, *stumpf*). Однако в других положениях краткие также изменили состав своих преградных кинакем и присоединились к проточным – простым либо протяженным (*slaf*, *offan*).

Таким образом, класс глухих смычных распался и перестал существовать, что означало ликвидацию оппозиции шумности, утратившей теперь всякую релевантность (см. табл. 5). Напомним, что необходимой предпосылкой для этого была замена сочетания положительных кинакем сонорности и шумности у звонких /b/, /d/, /g/ на сочетание двух соответствующих отрицательных кинакем, ведь в противном случае они совпадали бы с сонорными согласными. Поскольку в действительности этого не произошло, развитие могло быть только таким:

	m	r	b	m	r	b	m	r	b
Сонорность	+	-	+	+	-	-	+	-	-
Шумность	-	+	+	-	+	-	0	0	0

Ведущая роль в формировании взаимоотношений между согласными фонемами была окончательно закреплена за преградной суб-

Категорией. Кинакемы единственной сохранившей значение звуковой оппозиции, в свою очередь, обеспечивали функционально весьма наложное и вполне достаточное дополнительное противопоставление сонорных и несонорных. Это не исключало наличия как относительно более глухих, так и позиционно озвонченных аллофонов у несонорных кратких, нашедшего отражение в письменных памятниках [33, с. 59–60; 87, с. 43–44]. Следует подчеркнуть, что названные звуковые кинакемы входили в структуру всех согласных: ведь наличие в консонантизме монофонемных аффрикат предполагает, что среди них есть по меньшей мере одна сонорная; в антропофонической реализации это обычно один из плавных /l/ либо /r/ (см. с. 63–64). Судя по всему, сонорной аффрикатой в древневерхненемецком был первый из них.

Итак, второе передвижение согласных представляло собой полное развертывание оппозиций преградной субкатегории при одновременной частичной редукции субкатегории звуковой, осуществленное в южнонемецких диалектах в V–VIII вв. н. э. Что касается распространенной трактовки этого важнейшего события в истории немецкого консонантизма как смены корреляции звонкости корреляцией придыхательности или напряженности [35, с. 23–24; 41, с. 36–40], то для подобных "модальных корреляций второй степени", по Н.С. Трубецкому [89, с. 139], попросту нет места в системе минимальных фонологических единиц, принятой за основу настоящего описания. Все это – явления вторичного порядка: либо результат объединения определенных кинакем, либо компоненты их субстантной реализации, ведь кинакема комплексна по своей природе.

Так, звонкость – не особая корреляция, охватывающая лишь часть согласных, а сочетание однознаковых кинакем оппозиций сонорности и шумности, носящих общий характер. Напротив, придыхание – только один из возможных субстантных компонентов кинакемы шумности наряду с отсутствием голосового тона или напряженностью, которая, в свою очередь, может выступать также и как компонент антропофонической субстанции у кинакемы протяженности (см. с. 62).

Парадигматическая перестройка, изменившая состав модальных оппозиций при сохранении их общего числа, была лишь одним из путей развития консонантизма, причем далеко не самым лучшим, как видно из табл. 6. После второго перебоя количество фонем не только не возросло, но даже сократилось. Хотя в систему и вошли два новых согласных – краткий /z/ и протяженный /z:/ (daz, ezzan), не совпавшие со старыми германскими зацентрализованными /s/ и /s:/, но зато сразу три фонемы утратили свои долгие корреляты: по понятным причинам у аффрикат /pf/, /ts/, /kx/ не могло быть кинакемы протяженности (в отличие от сонорной аффриката /l/ с совершенно иной субстантной основой объединения смычки и протока).

Однако гораздо серьезнее было то обстоятельство, что сохранилась и даже возросла напряженность, обусловленная перегрузкой

Таблица 6

Кинакемы	pf	ts	kx	p Б	t д	k г	m	n	f v	þ ð	z ž	s	x х	l	r	w	j
протяжен-	0	0	0	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0
ности	0	0	0	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	0	0
проточно-	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+
сти																	
смычности	+	+	þ	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-
сонорности	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+	+	+	+
				p:	t:	k:	m:	n:	f:	þ:	z:	s:	x:	l:	r:		

положительных кинакем, перемещенных теперь в сферу преградной субкатегории. Положение не улучшилось и впоследствии, так что в целом отношения в консонантных подсистемах современных южнонемецких диалектов остаются менее оптимальными, чем в нижненемецких (см. с. 66–67). Это легко объяснимо: ведь в преградной субкатегории запрещено сочетание отрицательных кинакем непрочности и несмычности, которое в субстантном плане означало бы отсутствие всякой преграды, что невозможно для согласных [31, с. 149].

Чрезвычайную устойчивость как в верхне-, так и в нижненемецком обнаруживает категория локальных кинакем, сохранившая свою структуру из двух активно-локальных и одной пассивно-локальной оппозиций. Начавшееся было развертывание второй пассивно-локальной оппозиции не получило поддержки: согласный /þ/, который мог бы послужить базой для нее, совпал с /d/ [33, с. 60], хотя на севере намного позже, чем на юге [12, с. 130]. Все прочие последующие изменения – слияние /s/ и /z/, появление новых согласных /š/ (из s + k) и /χ/ (из n + g), фонологизация расщепления центрального ряда (преимущественно в нижненемецком) и т.п. – полностью осуществлялись за счет реализации возможностей внутрифонемной синтагматики, не требуя ничего, кроме новых сочетаний уже имевшихся кинакем.

За всю историю западногерманских диалектов, легших в основу немецкого языка, в их консонантных подсистемах произошло лишь три по-настоящему крупных события, каковыми являются преобразования в парадигматике кинакем: развертывание преградной оппозиции смычности (только в южнонемецком); ликвидация звуковой оппозиции шумности (на значительно более обширной территории, включающей почти всю область верхненемецкого); свертывание преградной оппозиции протяженности (самое широкое по охвату), относящееся к более позднему периоду и связанное с перестройками в вокалической подсистеме (см. с. 28).

* * *

Немецкий западнонемецкий вокализм строился на четырех опи-
манных трех модальных — протяженности и двух растворных — и
одной локальной (тембровой), положительная кинакема которой реа-
лизовалась в неотчлененных друг от друга артикуляциях заднего
рида и огубленности [25, с. 32; 33, с. 38]:

	Краткие		Долгие	
Узкие неширокие	i	u	ī	ū
Неузкие неширокие	e	o	ē	ō
Неузкие широкие		a		ā

Одна из важнейших задач, стоявшая перед всеми германскими языками и порожденная распадом двухморных слогоносителей в концепции общегерманской эпохи, заключалась в необходимости интеграции в вокализме двучленных сочетаний *a+i*, *a+u*, *i+u* [33, с. 39, 75, 118]. Бифонемная природа этих сочетаний обусловила их включение в разряд долгих гласных, однако в остальном пути их монофонемизации были неодинаковыми, что привело к весьма существенным различиям между средневерхненемецким и средненижненемецким [11, с. 168–169].

На начальном этапе монофонемизации подверглись только сочетания /ai/ и /au/. Их общее антропофоническое свойство — объединение широкого раствора в первом и узкого раствора во втором элементах — в верхненемецком ареале стало субстантной базой для новой модальной кинакемы растворного скольжения, вошедшей в состав дифтонгов как особого класса протяженных гласных с изменяющейся артикуляцией. Новая оппозиция распространяется на весь долгий вокализм, вследствие чего долгие монофтонги приобретают соответствующую отрицательную кинакему.

Характеризовавшиеся скольжением между двумя крайними ступенями раствора дифтонги /ai/ и /au/ вступили во взаимодействие с занимавшими также промежуточное положение неширокими неузкими фонемами /ē/ и /ō/. Эти последние изменяют свой кинакемный состав и субстантные реализации. Так, наряду с сужающимися дифтонгами /ai/ и /au/ возникают их корреляты — гласные с растворным скольжением в противоположном направлении, т.е. узкие расширяющиеся дифтонги /ia/ и /ua/ (*hēr* > *hiar*, *bōh* > *buah* [33, с. 55]). Этот процесс раньше всего завершился в южной части франкского. Освободившиеся места долгих гласных среднего раствора заняли продукты смягчения *ai* > /ē/ перед /h/, /r/, /w/ и *au* > /ō/ перед /h/, /r/, /t/, /d/, /n/, /s/ (*zēh* ~ гор. *taih*, *lēren* ~ гор. *laisjan*, *sēo*/*sēwes* ~ гор. *saiws*; *hōh* ~ гор. *hauhs*, *ōra* ~ гор. *ausō*, *lōn* ~ гор. *laun*, *lōs* ~ гор. *laus* [12, с. 115–117]). Тем самым прежняя симметрия между растворными классами была восстановлена.

Указанные изменения проходили в VII–IX вв., т.е. сразу по-

ли второго перебоя согласных, с разной последовательностью по типичным диалектам, что нашло отражение в древнейших письменных памятниках.

Однако общим для всего верхненемецкого ареала было закрепление к X в. связи оппозиции скольжения лишь с оппозицией узкого раствора, т.е. формирование четырех долгих скользящих фонем: двух узких (расширяющихся) и двух неузких (т.е. сужающихся) [33, с. 55–56]:

	Краткие		Долгие	
			нескользящие	скользящие
Узкие неширокие	i	u	ī	ū
Неузкие неширокие	e	o	ē	ō
Неузкие широкие	a		ā	

В древнесаксонском задача интеграции тех же бифонемных групп получила более простое решение, не сопровождавшееся размежеванием новой оппозиции, т.е. не потребовавшее каких-либо парадигматических перестроек. Здесь была реализована возможность паутрифонемной сочетаемости кинакем, не использованная ранее. Общее субстантивное свойство сочетаний /ai/ и /au/ – объединение широкой и узкой артикуляций – позволило им войти в вокалическую подсистему на правах долгих монофтонгов еще одной ступени раствора. Стяжение /ai/ и /au/, в древнесаксонском не зависевшее от фонетического окружения и потому носившее глобальный характер, ядало открытые /ē/ и /ō/ соответственно, не совпадавшие с прежними и по традиции обозначаемые как /ē/ ² и /ō/ ² (dēl ~ гот. dails, tēn ~ гот. stains, ūga ~ гот. aūgō, lōf ~ гот. laufs [11, с. 169–170; 12, с. 115–116]).

Появление еще одной, четвертой ступени раствора свидетельствовало о том, что все долгие монофтонги стали делиться прежде всего на два класса – широких и нешироких гласных, внутри которых, в свою очередь, выделяются относительно более узкие и неузкие:

	Краткие		Долгие	
Неширокие узкие	i	u	ī	ū
Неширокие неузкие	e	o	ē	ō
Широкие узкие	-	-	ē	ō
Широкие неузкие	a		ā	

Таким образом, дифтонгов как особого класса в вокалической подсистеме в древнесаксонском не возникло; немногочисленные рефлексы западногерманских aii и aui (tweio, hauan), как и результаты стяжения egi, agi >/ei/ (seil < segil [11, с. 170–171]), несомненно оставались бифонемными.

Третье общегерманское сочетание iu, состоявшее из гласных

разного тембра, но одинакового раствора, не могло войти в вокализм так, как два других, и требовало иного способа монофонемизации. Он был осуществлен в X в., сначала и наиболее последовательно в нижненемецком ареале [11, с. 192; 87, с. 40], и явился первой фазой крупной перестройки в категории локальных кинакем, известной под названием умлаута. Принципиально новым при стяжении /i/ > /ü/ было внутрифонемное объединение субстантных тембровых свойств обеих фонем: незаднего ряда от /i/ и лабиализации от /u/. Это означало расщепление единой, прежде нерасчлененной тембровой оппозиции (в терминах классической фонологии – эквивалентного противопоставления максимально светлых и максимально темных гласных [89, с. 89]) на две – заднего ряда и лабиализации. Возможность сочетания соответствующих кинакем создала предпосылки для фонологизации незадних аллофонов всех огубленных гласных фонем заднего ряда, т.е. для формирования гласных трех тембровых классов: задних лабиализованных, незадних лабиализованных, незадних нелабиализованных [33, с. 62].

Среди факторов, способствовавших становлению промежуточного класса незадних лабиализованных, нужно отметить помимо общеизвестного ассимилятивного влияния последующих /i/ и /j/ более ограниченное воздействие некоторых согласных (прежде всего /š/ и /r/), а также спонтанное огубление передних (/i/, /e/ > /ü/, /ö/) и неорганическую палатализацию задних гласных (/u/ > /ü/) [11, с. 193, 196–199].

Утверждение двух тембровых оппозиций вместо одной следует отличать от так называемого первичного умлаута, т.е. от изменения /a/ > /e/ в позиции перед /i/ или /j/ (*gasti* > *gesti*), которое происходило намного раньше, уже в VII в., и не было связано с какими-либо перестройками ни в системе кинакем, ни в фонемной системе [33, с. 56].

Распространение обеих названных оппозиций на весь вокализм существенно увеличило фонемный инвентарь, особенно в средневерхненемецком:

	Краткие			Долгие		
	нескользящие			скользящие		
Узкие неширокие	i	ü	u	ī	ī	ū
Неузкие неширокие	e	ö	o	ē	ō	ō
Неузкие широкие	æ	a		ā		

Описанное преобразование категории локальных кинакем явилось компенсацией последствий прогрессировавшей качественной редукции гласных в грамматически информативной заударной части слова, т.е. в конечном счете было обусловлено функциональными факторами [33, с. 62]. Однако действие этих факторов не следует понимать прямолинейно как непременное требование количественного расширения фонемного состава; в противном случае было бы трудно объяснить начавшуюся в южненемецком ареале уже в XII в. и бы-

что распространявшуюся делабиализацию продуктов умлаута, т.е. ликвидацию класса незадних огубленных гласных в результате их слияния с неогубленными: /ü/ > /i/, /ö/ > /e/ и т.д. [11, с.193]. Можно полагать, что по меньшей мере в верхненемецком, где делабиализация отличалась наибольшей последовательностью, вокализм уларных слогов и без того был достаточно богат, и речь шла не столько о его дальнейшем увеличении, сколько о создании новых типов фонемных чередований внутри корневой морфемы как особого средства словаобразования и словоизменения, подобного уже переставшему быть живым аблautу (ср. [Там же, с. 190]). Эта цель и была достигнута путем расщепления единой тембровой оппозиции на две, после чего одна из них могла без большого ущерба ликвидироваться. Чаще побеждала, естественно, оппозиция ряда; однако среди немецких диалектов есть и такие, которые в ходе своего развития утратили именно ее (см. с. 43-45).

Сочетание /eo/, отделившееся от /iu/ в результате преломления, вело себя иначе: в верхненемецком оно в XI в. окончательно сливается с расширяющимся дифтонгом /ia/ ~ /ie/; в древнесаксонском подвергается монофонемизации в /ē/ [12, с. 117-118].

Наконец, следует отметить, что в верхненемецком стяжение /iu/ и умлаут от /ü/ зачастую давали фонемы, различавшиеся по раствору, о чем свидетельствует их неодинаковое отражение в современных диалектах [11, с. 211-215].

Итак, можно констатировать, что к XII в. все три названных бифонемных сочетания прочно заняли свое особое место в вокализме немецких диалектов, причем совершенно иначе, чем в других западногерманских языках – древнеанглийском и древненидерландском (см. [33, с. 39-40, 69-70]). Общим для древневерхненемецкого и древнесаксонского было осуществление процесса монофонемизации в два этапа и одинаковая трактовка сочетания разнотембровых гласных /iu/. Отличительная черта древневерхненемецкого – возникновение оппозиции растворного скольжения и появление соответствующих дифтонгов. Индивидуальная особенность древнесаксонского – монофтонгизация сочетаний гласных разного раствора (известное сходство с этим обнаруживается в готском [Там же, с. 35-36]). Подобное решение могло быть лишь временным: оно практически исчерпало потенциальные возможности роста и не оставляло места той избыточности, которая совершенно необходима для нормального функционирования любой фонологической системы (см. [25, с. 130-136; 30, с. 117-124]). Впоследствии дифтонги возникают и в нижненемецких диалектах, но вопрос об их датировке остается открытым; их появление относят к XII – XV вв. и даже к более позднему времени [11, с. 239; 69, с. 301-302].

Необходимо особо подчеркнуть чрезвычайно важное обстоятельство: интеграция бифонемных групп гласных предопределила выбор решения второй из двух важнейших фонологических задач в истории германских языков – проблемы соотношения оппозиций противоположности в вокализме, с одной стороны, и в консонантизме – с другой.

Обе оппозиции имели одинаковое происхождение. Они возникли к концу общегерманской эпохи в результате разложения двухморфных слогоносителей и отхода второй моры к вокалическому ядру либо к зайдерной консонантной периферии слова. При определенных условиях в первом случае это порождало вокалическую протяженность, во втором – создавало геминаты, послужившие субстантной основой для консонантной протяженности (подробнее см. [30, с. 53–55; 33, с. 26–27, 30–31, 38]).

Генетическая общность обусловила взаимозависимость обеих оппозиций, проявлявшуюся в их обобщенной диссимилятивной нейтрализации: в последовательности "гласный + согласный" протяженным мог быть любой элемент, но не оба сразу [30, с. 57; 33, с. 39]. В функциональном плане дистрибутивные ограничения всякого рода, разумеется, нежелательны; вполне естественно поэтому, что такое положение не закрепилось ни в одном германском языке. Оптимизация могла достигаться различными способами. Самый простой из них – устранение одной из одноименных оппозиций. Так, в шведском языке сохраняется консонантная протяженность за счет ликвидации протяженности вокалической [32; 33, с. 86–89], в то время как в датском, напротив, в конечном счете утверждается протяженность вокалическая при утрате количественных различий в консонантизме [33, с. 99, 103].

В западногерманских языках реализуется еще одна возможность: оппозиция вокалической протяженности подвергается переосмыслению в результате изменения направленности маркировки ее членов на противоположные.

Как следует из вышеприведенного, монофонемизация сочетаний двух гласных нарушила равновесие в вокалической подсистеме, создав устойчивый перевес долгих фонем над краткими либо за счет новых монофтонгов, как в древнесаксонском, либо за счет дифтонгов, т.е. долгих скользящих в древневерхненемецком. Ничего иного и быть не могло в силу исконно двухморфной природы как долгих монофтонгов, так и дифтонгов. Однако число маркированных фонем, как правило, не превышает числа немаркированных по той же корреляции (см. с. 18). Поэтому закрепление стабильного перевеса долгих гласных означало, очевидно, что маркировка перешла от них к их противочленам и что прежняя оппозиция протяженности сменилась новой, наиболее приемлемое наименование которой – оппозиция вокалической абруптивности (см. [25, с. 80–84; 30, с. 66–70; 33, с. 49–50, 64, 72]). Другие ее названия – оппозиция "контакта", "примыкания", "усечения" или немецкие термины "Silbenschnittkorrelation", "Silbenakzent", "Anschluß" – нужно признать менее удачными. Вопреки распространенному мнению [89, с. 176, 196] эта оппозиция не носит просодического характера, поскольку не затрагивает межслоговых отношений; выделение же "внутрислоговых просодем" не имеет под собой оснований [25, с. 16; 30, с. 50–51, 67]. Кроме того, обнаруживается, что "усечение" (которому может подвергаться, конечно, не слог, а слогоноситель) в немецком и других западногерманских

и илаках в действительности вообще отсутствует. Субстантной базой упомянутой пары кинакем служит противопоставление сокращенного по своей длительности гласного с резким отступом гласному с плавным отступом; оба они различаются лишь углом конвергенции на финальном участке затухания [25, с. 81; 30, с. 68; 33, с. 50].

Признавая смену количественных противопоставлений по долготе гласных качественной оппозицией абруптивности, мы тем не менее считаем возможным не вносить изменений в общепринятую транскрипцию.

Можно считать, что описанная трансформация сама по себе была вполне удовлетворительным разрешением коллизии вокалической и консонантной протяженности: разнонаправленность маркировки в двух оппозициях, имеющих сходную субстантную реализацию, могла обеспечить их сосуществование в рамках разных подсистем. Об этом свидетельствует положение, до сих пор сохраняющееся в верхнеалеманских (швейцарских) говорах. Оппозиции вокалической абруптивности и консонантной протяженности действуют здесь независимо друг от друга в пределах одной морфемы; быстрые дистрибутивные ограничения сняты, т.е. абруптивные и неабруптивные гласные одинаково возможны как перед краткими, так и перед долгими согласными:

*jesä (lesen) - əssä (essen)
wīsä (weisen) - wīssä (weißen)* [11, с. 173].

Однако верхнеалеманские говоры, по-видимому, единственный пример такого рода (о внешне сходной ситуации в среднебаварском см. с. 67–69). В остальных диалектах, как и во всех западногерманских языках, оппозиция протяженности в консонантизме ликвидируется.

Этому способствовал ряд факторов разного порядка. Прежде всего противопоставление согласных по длительности менее органично вписывалось в категорию модальных кинакем, не будучи контарным по отношению к другим преградным оппозициям [33, с. 34, 45]. Немалую роль сыграло и то, что в силу своего происхождения долгие согласные не встречались в начале слова – наиболее важной позиции различия; их реализация в абсолютном исходе слова, неизбежность которой возникала все чаще ввиду прогрессировавшей редукции заударных гласных, наталкивалась на значительные антрапофонические трудности; в типичной же для долгих согласных интервокальной позиции они несли лишь ограниченную функциональную нагрузку (см. [30, с. 76; 33, с. 39, 46]).

Дефонологизация противопоставлений по протяженности и утверждение оппозиции вокалической абруптивности потребовали перераспределения гласных фонем в морфемных оболочках в соответствии с новыми условиями. Этот процесс, описываемый в терминах исторической фонетики как удлинение кратких и сокращение долгих [11, с. 171–183], вовсе не был просто автоматической заменой положительной кинакемы в составе гласных на отрицательную и наоборот. Он имел вероятностный, стохастический характер, и его ре-

зультаты по диалектам представляют собой необычайно пеструю картину, отдельные детали которой не всегда поддаются объяснению, да и не нуждаются в ном (см. [25, с. 87–89; 30, с. 70–73; 33, с. 51, 64]).

Природа новой оппозиции объясняет, однако, общее преобладание случаев удлинения, т.е. увеличение количества неабруптивных фонем: ведь частотность немаркированных единиц, как правило, выше, чем частотность маркированных [89, с. 235]. Понятно и фронтальное обобщение неабруптивных гласных в открытом слоге, который таким образом становится позицией синтагматической нейтрализации для указанного противопоставления во всех диалектах, кроме швейцарских [11, с. 173; ср. 25, с. 85–86]: нейтрализация происходит обычно в пользу слабого, немаркированного члена [89, с. 73, 213]. При этом нужно сделать оговорку относительно самого понятия открытого слога в связи с неуклонным снижением релевантности слоговых границ и возрастающей значимостью морфемного членения в западногерманских языках [33, с. 30]. Их характерная особенность – наличие большого количества слов, которые хотя и состоят из двух слогов, но фактически на слоги не разлагаются, например нем. *Mutter, Keller, Wasser, lange, machen* и т.п. Правила их деления на письме при переносе – чисто орфографическая условность. Первый слог в таких словах, разумеется, не является открытым [93, с. 143]. Именно к этому типу слов следует отнести многочисленные случаи отсутствия удлинения гласных в рипуарском диалекте, объясняемые обычно противодействием так называемого рейнского акцента (*ləvə Leben, fədə Feder, vɔnə wohnen* и т.д. [11, с. 164]). В свете сказанного необходимость в подобном объяснении отпадает. Достаточно признать, что в рипуарском просто имеется относительно больше слов типа *Mutter*, т.е. по сравнению с другими диалектами реже встречаются открытые слоги. Речь идет, следовательно, лишь о частотных различиях общеменемецкого явления, совсем не обязательно вызванных просодическими причинами.

При данной направленности маркировки совершенно естественна, наконец, относительная устойчивость абруптивных гласных и потенциальная способность неабруптивных монофтонгов к дифтонгизации. То и другое определяется как субстантными факторами [25, с. 70; 30, с. 79], так и структурными закономерностями, поскольку отрицательные кинакемы обладают более свободной сочетаемостью с кинакемами других оппозиций [31, с. 147]. Любые процессы дифтонгизации и монофтонгизации в немецких диалектах непосредственно затрагивают только неабруптивные гласные. Все дифтонги образуют один общий класс с прочими неабруптивными и должны рассматриваться вместе с ними [25, с. 99].

Перераспределение прежних долгих и кратких между абруптивными и неабруптивными заняло несколько веков, распространяясь с севера на юг [11, с. 173] и перекрещиваясь с различными по направленности, времени действия и степени охвата процессами дифтонгизации и монофтонгизации, вследствие чего судьба неабруп-

тических гласных разного происхождения (исковно долгих, удлиненных и дифтонгов) сплошь и рядом оказывалась неоднинаковой даже в пределах одного диалекта. Таким образом, становление оппозиции ябруптивности по своим конечным последствиям явилось узловым моментом в эволюции немецкого вокализма, в решающей мере обусловившим наиболее глубокие различия между отдельными диалектными подсистемами гласных. Оно было также единственной инновацией, общкой для всех диалектов. Прочие изменения в парадигматике консонантных и вокалических кинакем, описанные выше, не имели общедиалектного характера изначально либо утратили его; все они поэтому обладают особой типологической значимостью.

Что касается причин этих изменений, то в ряде приведенных выше случаев они кажутся вполне очевидными, хотя необходимо согласиться с тем, что "всякое причинное объяснение звукового изменения может быть только приближением к истине, только ее частью, точно так же, как всякое объяснение звукового изменения одной универсальной причиной не может не быть ошибочным" [42, с. 18]. Здравый смысл побуждает проявить здесь предельную осторожность и воздержаться от отрицания роли каких-либо факторов, интерпретируемых в терминах причинности, закономерности или цели; внешней или внутренней необходимости; функциональной, структурной или субстантной обусловленности, а также иных, в том числе и случайных, моментов, которым в действительности принадлежит, по-видимому, более важное место, чем это принято считать. Любая естественная нормально функционирующая языковая система не отличается жесткой детерминированностью, напротив, она должна обладать известной степенью свободы, составляющей ее запас прочности [13, с. 297–298; 33, с. 121–122]. Поэтому даже общее утверждение, что изменения в системах не могут совершаться безотносительно к основной функции языка [20, с. 88], представляется слишком сильным. "Внутренние законы фонологической эволюции дают лишь неопределенное уравнение, которое оставляет возможность определенного числа решений, но необязательно одного" [65, с. 105].

Следует, однако, отметить, что проблематика языковых изменений теряет свою остроту в типологии, имеющей дело с принципиально панхроническими состояниями [39, с. 30; 45, с. 25; 8, с. 62; 50, с. 97], а в описании состояния языка вообще не может быть речи о причинах [42, с. 20]. Это позволяет в дальнейшем ограничиться ссылками лишь на отдельные наиболее важные факты развития диалектных фонологических систем, являющихся реализациями некоторых общих структурных типов. Как было сказано выше, именно эти последние и есть подлинный объект анализа при данном подходе.

3. ТИПОЛОГИЯ ВОКАЛИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМ

Обращение к изложенным выше основным фактам фонологической эволюции позволяет ставить вопрос о структуре ядра диасистемы, образованного вокалическими и консонантными оппозициями, безусловно представленными во всех диалектах. В вокализме это прежде всего модальная оппозиция абруптивности, кинакемы которой входят в состав всех ударных гласных, разбивая их на два неравнообъемных класса.

Общедиалектному ядру принадлежат также обе растворные оппозиции. Сочетания их кинакем формируют гласные трех либо четырех степеней раствора, как было показано выше. Известны случаи нарушения симметрии между классами абруптивных и неабрupsивных гласных, когда первые различают только две ступени, т.е. используют одну оппозицию, например, узкого/неузкого раствора (см. с. 45), однако для неабрupsивных фонем во всех современных диалектах обязательны две пары растворных кинакем. Существование большего количества фонологически значимых растворных ступеней в германских языках весьма сомнительно, и единственный пример такого рода, приведенный Н.С. Трубецким со ссылкой на И. Винтлера [89, с. 101], по-видимому, нуждается в пересмотре. Что касается различия, например, четырех разных [e] в истории нижненемецкого [11, с. 169–170], то это, конечно, всего лишь условность, отражающая отношения между элементами разных систем, отстоящих друг от друга во времени.

К ядру диасистемы относится также одна пара локальных кинакем, но лишь одна из двух. Как отмечалось выше, обязательным минимумом в любом диалекте является наличие двух тембровых классов гласных, формирующихся на основе оппозиции заднего ряда либо оппозиции лабиализации. Конкретное определение ее характера регулируется известными правилами Н.С. Трубецкого [89, с. 89–92]. Выделение третьего случая противопоставления максимально "темных" (т.е. задних и огубленных) максимально "светлым" (незадним и одновременно неогубленным) гласным, когда обе маркировки выступают в комплексе и отделить их друг от друга затруднительно [Там же], оправдано скорее чисто логически, чем функционально, и представляет интерес только в плане деления оппозиций на эквивалентные и привативные. Поскольку любые контрапарные отношения принципиально могут быть сведены к контрадикторным, а в истории всех немецких диалектов конкретическая тембровая оппозиция действительно подвергалась расщеплению на две (см. с. 26), в целях унификации и упрощения описания этим третьим случаем можно пренебречь. С оговоркой условимся считать, что в сравнительно немногочисленных вокалических подсистемах в явном виде представлена оппозиция лабиализации; во всех прочих подсистемах с двумя тембровыми классами релевантно противопоставление кинакем заднего и незаднего ряда. Вообще при наличии единственной

локальной оппозиции вопрос о ее характере имеет второстепенное значение. Типологически гораздо важнее, что наряду с двухклассными существуют подсистемы с третьим классом лабиализованных гласных незаднего ряда, т.е. используются две тембровые оппозиции – в рипуарском, восточнофранкском, верхнеалеманском и подавляющем большинстве нижненемецких диалектов [11, с. 194–195].

Наконец, к ядерным следует отнести также одну из оппозиций растворного скольжения. Хотя в современном немецком литературном языке такой оппозиции больше нет и его дифтонги представляют собой лишь особый способ субстантной реализации сочетания кинакем широкого и узкого раствора [33, с. 65–66], ситуация в диалектах значительно сложнее. В целом немецкий диалектный вокализм намного богаче относительно скромного инвентаря гласных литературной нормы. При этом, насколько позволяют судить доступные фактические данные, во всех диалектах имеются неабруптивные фонемы с изменением артикуляции по раствору. Однако это совсем необязательно только сужающиеся дифтонги; более того, есть диалекты, вовсе не знающие таковых, как и диалекты, в которых отсутствуют расширяющиеся дифтонги (см. ниже). Поэтому необходимо признать, что единая нерасчлененная оппозиция растворного скольжения, возникшая уже в древневерхненемецком, впоследствии подверглась расщеплению на две – оппозицию сужения и оппозицию расширения – аналогично тому, как в результате умлаута была расщеплена единая общая тембровая оппозиция. Подтверждением этого служит тот факт, что на протяжении последних столетий процессы дифтонгизации и монофтонгизации в диалектах протекают в значительной мере независимо друг от друга, так что между возникновением новых дифтонгов, расширяющихся или сужающихся, и монофтонгизацией либо сохранением старых дифтонгов чаще всего не удается обнаружить каких-либо признаков параллельного развития (см. [11, с. 202–206, 211–225, 238–246]).

Как и в случае с тембровыми кинакемами, можно выделить, следовательно, вокалические подсистемы с использованием лишь одной оппозиции растворного скольжения (сужения либо расширения) и подсистемы с двумя оппозициями. В первых из них имеется два класса неабруптивных гласных – устойчивые и со скольжением только в одном направлении; во вторых – три класса, из которых класс монофтонгов дважды немаркирован, т.е. характеризуется сочетанием отрицательных кинакем несужения и нерасширения.

Итак, ядро диалектного вокализма состоит из пяти пар кинакем: четырех модальных и одной локальной, из которых две – оппозиции тембра и растворного скольжения – носят переменный характер. Это дает возможность выделения прежде всего четырех главных типов диалектных вокалических подсистем:

- 1) с одной оппозицией тембра и одной – растворного скольжения;
- 2) с двумя тембровыми и одной оппозицией скольжения;
- 3) с одной тембровой и двумя оппозициями скольжения по раствору;

1) с двумя оппозициями тембра и двумя – растворного скопления.

Тем самым в основу первичной классификации кладутся наиболее общие особенности парадигматики кинакем, в остальном различия сводятся к их неодинаковой внутрифонемной синтагматике.

Внутрифонемная сочетаемость подчиняется определенным закономерностям, отражающим разную значимость кинакем, их разный "удельный вес". Разумеется, есть диалекты (например, некоторые баварские; см. с. 44), вокализм которых настолько симметричен, что допускает описание в любой последовательности, но такие промеры скорее исключение, чем правило. Предлагаемая иерархия моральных и локальных кинакем в отдельных случаях также не является единственно возможной, но именно она обеспечивает желаемое единообразие описания; кроме того, она кажется и наиболее естественной:

Модальные оппозиции

Локальные оппозиции

- D. тембра { заднего ряда
лабиализации

Оппозиции раствора, а также растворного скольжения и тембра, если они представлены попарно, являются сопряженными, что предполагает их обязательное совместное функционирование и исключает возможность вхождения в состав какой-либо фонемы лишь одной из соответствующих парных кинакем. Так, в состав фонемы /a/ входит не только положительная кинакема широкого раствора, но одновременно с ней также и отрицательная из контрапарной пары-кинакемы неузкого раствора. По этой причине при выборе одного из принятых способов презентации материала – матричного или в виде дерева логических зависимостей – речь может идти лишь о первом из них, отличающемся большей гибкостью. Дерево зависимостей, несмотря на его внешнюю привлекательность и некоторые достоинства содержательного характера [36, с. 97–98], остается все же слишком жестким инструментом, пригодным для описания "сквозной" иерархичности и не позволяющим отобразить логическую равноправность членов контрапарных отношений. Итак, в дальнейшем изложении фонемный инвентарь отдельных диалектов дается в виде традиционных схем и в виде матриц идентификации либо их наиболее существенных фрагментов.

Тип 1. Относящиеся к нему вокальные подсистемы строятся с использованием только пяти ядерных оппозиций и в зависи-

кости от направленности растворного скольжения могут быть разбиты на два подтипа: с сужающимися и расширяющимися дифтонгами.

Минимальный вокализм, который вообще возможен в германских языках, представлен, например, в городском говоре Берлина, возникшем в процессе верхненемецкой экспансии на север, т.е. фактически в результате колонизации преимущественно восточносредненемецких говоров, а не органического развития какого-либо нижненемецкого диалекта [11, с. 119]. Решающими оказались при этом два момента: привнесенная извне верхненемецкая делабилизация, свойственная большинству говоров Бранденбургской Марки [Там же, с. 195, 245, 567, 570], и сложившаяся на нижненемецкой основе норма реализации гласных среднего раствора, в соответствии с которой всякие неабруптивные /ē/ и /ō/ являются закрытыми, всякие абруптивные /e/ и /o/ — открытыми [Там же, с. 248]. Ликвидация класса огубленных нездаднего ряда (/ü/ > /i/ ; /ö/ > /e/), делабилизация дифтонга (/oi/ > /ai/) и редукция растворных ступеней привели к сокращению числа гласных фонем до двенадцати:

	Абруптивные		Неабруптивные	
Неширокие узкие	i	u	ī	ū
Неширокие неузкие	e	o	ē	ō
Широкие неузкие	a		ā	ai au

Объединения кинакем в полном виде приводятся в табл. 7.

Верхненемецкое происхождение имеют оба дифтонга, восходящие главным образом к неабруптивным узким (*vaip* "Weib"; *braut* "Braut"; *braitijam* "Bräutigam"). Под влиянием литературной нормы они закрепляются также в словах вроде *Traum*—*Geist* и им подобных, отражающих ср.-верхненем.

/ei/ и /ou/. Однако более обычна монофтонгизация /ei/ > /ē/, /ou/ > /ō/ (*klēn* "klein", *alēn* "allein", *kōfan* "kaufen", *lōfān* "laufen"), не исключающая, впрочем, постоянных колебаний (*bōm/baum*, *gōxən/gauken*, *bēdə/baidə*).

Парадигматическое упрощение — довольно частый результат при столкновении разных диалектных систем. Точно такой же предельно простой вокализм представлен поэтому в целом ряде смешанных говоров, сложившихся вне Германии, например в говоре немецкой части населения г. Сибиу в Румынии [84, с. 91-110], в некоторых островных немецких говорах в СССР [78, с. 171-188] и т.д.

Лишь несколько более широкой сочетаемостью растворных и тембровых кинакем отличаются вокалические подсистемы, отмеченные в средненемецких диалектах. Одна из них восстанавливается, например, для говора Лейпцига на основе его традиционных описаний [52] и встречается также в других восточносредненемецких

Таблица 7

Оппозиция	a	i	u	e	o	ā	ī	ū	ē	ō	ai	au
Абруптивность	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Широкий раствор	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+
Узкий раствор	-	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
Сужение	0	0	0	0	0	-	-	-	-	-	+	+
Задний ряд	0	-	+	-	+	0	-	+	-	+	-	+

диалектах и обиходно-разговорных формах немецкого языка [47]:

i	u	ī	ū									
e	o	ē	ō									
ä	a	ää	å	ai	au							

Различение /e/-/ä/, /ē/-/å/ – следствие фонологизации противопоставления первичного умлаута (*bесər*, *fesd*, *sedsən*, *rēdən*, *dsēlən*) вторичному (*gärdnər* "Gärtner", *mäçdç* "mächtig", *läm* "lähmen", *näэ* "Nähe") и совпадшему с ним ср.-верхненем. /ë/ (*äsn* "essen", *gäld* "Geld", *häl* "hell", *gäm* "geben", *lädər* "Leder", *räçn* "Regen" с обычными в таких случаях колебаниями в распределении отдельных слов [52, с. 4, 7; 11, с. 227, 229]. В заднем ряду /å/ и /ä/, возникшие в результате огубления /a/ и /ā/, противостоят соответственно /o/ и /ö/, сохраняющим в восточносредненемецком узкий характер [52, с. 3; 11, с. 226, 231]. Дополнительным источником неабруптивных гласных среднего раствора была монофтонгизация ср.-верхненем. дифтонгов /ei/ > /ē/ и /ou/ > /ö/ (*bēde* "beide", *glēd* "Kleid", *ēçn* "eigen", *hēm* "Heim", *bēn* "Bein", *öх* "auch", *gōfm* "Kaufen", *lōfм* "laufen", *rōх* "Rauch", *šdōb* "Staub" и т.п.), также сопровождавшаяся отдельными колебаниями [52, с. 8-9; 11, с. 219, 221].

Чаще встречаются подсистемы с более обычным для верхненемецкого различением четырех растворных ступеней, хотя бы только у неабруптивных гласных, как в гессенском говоре Дармштадта [66, с. 166-171]:

Неширокие узкие	i	u	ī	ū								
Неширокие неузкие	e	o	ē	ō								
Широкие узкие	ę	ö	ë	ö								
Широкие неузкие	-	-	-	-	ā	ai	au					

Узкие неабруптивные гласные восходят к средневерхненемецким расширяющимся дифтонгам: /ī/ < /ie/, /üe/; /ū/ < /uo/, отчасти также к старым кратким, подвергшимся удлинению, т.е. утратившим абруптивность (*līvər* "lieber", *brīdər* "Brüder", *šbīlə* "spielen", *dīr* "Tür", *dūn* "tun", *blūd* "Blut", *kū-*

юи "Kugel"). Открытое /ɛ/ соответствует только ср.-верх - юнем. /e/, ставшему неабруптивным (lēvə "leben", drēdə "frēten", vēc "Weg"); все прочие разновидности /e/ и /ö/ попали в закрытом /ē/ (sēl "Seele", bēs "böse", hēvə "haben", ēl "Öl", šbēd "spät" и т.д.). В заднем ряду /ō/ отражает ср.-верхненем. /ō/, /o/, в отдельных случаях - /ā/ (dōd "Göt", övə "Ofen", blōsə "blasen", övənd "Abend"); открытое /ɔ/ - частично также старое долгое /ā/ и, кроме того, /u/, отошедшее к неабруптивным (frōx "Frage", šbrōx "Sprache", glōs "Glas", sōxə "sagen"). Широкое /ā/ - результатmonoфтонгизации ср.-верхненем. дифтонгов /ei/ и /ou/, имевших, таким образом, иное развитие, чем, например, в говоре Нейпцига (vās "er weiß", blāš "bleich", äx "Auge", lāfə "laufen", frād "Freude"). Происхождение дифтонгов в пояснениях не нуждается (ais "Eis", haisər "Häuser", hai "Heu", daidš "deutsch", aus, saufə и пр.).

Вокалические подсистемы только с расширяющимися дифтонгами встречаются реже. Одним из примеров может служить вокализм городского говора Вены и говоров Нижней Австрии [54, с. 15-17]:

i	u	ī	ū	ia	ua
e	o	ē	ō	ea	oa
ɛ	ɔ	ē	ō		
a		ā	ā		

Комбинаторика кинакем для неабруптивных гласных приводится в табл. 8.

Состав фонем в основном совпадает с общебаварским и в деталях рассматривается ниже (см. с. 43-44). Отметим лишь судьбу сужающихся дифтонгов /ai/ и /au/: возникнув на базе старых долгих /ī/ и /ū/ первоначально именно в баварском диалекте, он затем вновь подвергаются monoфтонгизации: /ai/ > /ā/, /au/ > /ā/ (äs "Eis", häs. "Haus") (см. [11, с. 202; 13, с. 289]).

Тип 2. Вокалические подсистемы с двумя тембровыми оппозициями и одной парой кинакем растворного скольжения целесообразно также разбить на два подтипа в зависимости от направления скользящей артикуляции. Тот и другой представлены преимущественно в нижненемецком ареале. Одним из немногих верхненемецких примеров может служить вокализм рипуарского говора Кельна [64, с. 38-39]:

i	ü	u	ī	ū	ū	ei	öü	ou
e	ö	o	ē	ō	ō			
ɛ	ɔ	ɔ	ē	ō	ō			
a			ā	ā	ā			

Фрагмент матрицы для неабруптивных гласных приводится в табл. 9.

Редкое богатство monoфтонгов - вдвое больше, чем в говоре

Оппозиция	ä	ɛ	i	ü	ē	ö	ə	ɔ̄	ia	ua	ea	oa
Широкий раствор	+	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
Узкий раствор	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+	-	-
Расширение	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Задний ряд	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+

Таблица 9

Оппозиция	ā	ī	ū	ū	ē	ō	ō	ē	ō̄	ō̄	ei	öü	ou
Широкий раствор	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-
Узкий раствор	-	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-	-
Сужение	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
Задний ряд	0	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	-	+
Лабиализация	0	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+

Берлина – обусловлено помимо наличия трех тембровых классов развертыванием четырех степеней раствора вследствие перекрестного взаимодействия целого ряда процессов, главными из которых были:

а) монофтонгизация средневерхненемецких дифтонгов, сопровождавшаяся их расширением: /ie/ > /ē/ (lēf "lieb", flējē "fliegen"), /ei/ > /ē/ (hēs "heiβ", brēt "breit"), /ou/ > /ō/ (ōχē "Augen", bōm "Baum"), /uo/ > /ō/ (jōt "gut", brōdēr "Bruder"), /üe/ > /ō/ (zōs "süß", fōs "Füße"), /öu/ > /ō/ (bōm "Bäume", drōm "Träume");

б) совпадение всех старых гласных среднего раствора в открытых /e/ (zēk "Säcke", špēk "Speck", rēdē "reden"), /ō/ (kōp "Kopf", štōk "Stock", bōχē "Bogen"), /ō/ (kōp "Köpfe", štōk "Stöcke");

в) расширение узких абруптивных /i/ > /e/ (tret "Tritt", es "ist"), /u/ > /o/ (los "Lust", dom "dumm"), /ü/ > /ō/ (hōt "Hütte", fōlē, "füllen");

г) частичное сужение неабруптивных /ē/ > /ī/ (zīt "sät", krit "krähit"), /ō/ > /ū/ (flū "Flöh"), /ō/ > /ū/ (flū "Flöhe"), /ā/ > /ō̄/ (rōt "Rat", štōl "Stahl") при частичном сохранении узких неабруптивных /i/ (is "Eis"), /ū/ (hūs "Haus"), /ū/ (hūzēr "Häuser") [11, с. 216–232].

В сочетании с рипуарскими особенностями перераспределения гласных между абруптивными и неабруптивными и с некоторыми специфическими явлениями в консонантизме все это заметно скрывается на этимологических связях многих слов: mōs "Most" – mōs "Maß" – mōs "Moos" – mūs "Maus"; rōt "Rat" – rōt "Rute" – rūt "rot"; lēt "Schlamm" – lēt "lädt" – lēt "Lied" – līt "ließ"; štōl "Stahl" – štōl "Stuhl"; rōk

"Rock" - rok "Ruck"; štök "Stöcke" - štök "Stück"; flüs "Flüge" - flüs "fliegt"; fös "Fuß" - füs "Faust" - füs "Fuchs"; fös "Füße" - füs "Fäuste" - füs "Füchse" и т.н. [64, с. 38-42]. Несмотря на относительно малую функциональную нагрузку, противопоставление нешироких узких /i/, /ü/, /u/ и широким /e/, /ö/, /o/ все же фонематично [Там же, с. 42-43].

Не подлежит сомнению и фонематический статус дифтонгов /ei/, /ou/, /öö/, восходящих соответственно к неабруптивным узким /i/, /ü/, /ö/, хотя эти последние подвергаются дифтонгизации преимущественно в абсолютном исходе слова и в зиянии (frei "frei", breiə "schreien", zou "Sau", bouə "bauen", zöö "Säue", tröö "treu") [11, с. 203] и лишь спорадически также в других положениях (zouga "saugen", zourə "sauere") [64, с. 47]. Кроме того, к ним примыкают рефлексы зап.-герм. аи и аи (ei "Ei", douə "tauen", houə "hauen" и др.) [11, с. 222].

На тех же шести оппозициях строится типично нижненемецкая юкалическая подсистема северосаксонского говора Хайде (Дитмаршен, Западная Голштания) [63, с. 30-38]:

i	ü	u	ī	ū	ū	
e	ö	o	ē	ō	ō	ei öö ou
a			å			ai au

Матрица для неабруптивных гласных этого говора дается в табл. 10.

При внешнем сходстве с рипуарскими дифтонги среднего раствора в северосаксонском резко отличаются от них этимологически. Дифтонг /ei/ развивается из неабруптивного /ē/ любого происхождения (breif "Brief", speigl "Spiegel", šeipr "Schäfer", keis "Käse", bein "Bein", deil "Teil", hei "er", leit "ließ"), а также из сочетания /e/ + /o/, отделившегося от /iu/ (leif "lieb", dein "dienen", fleic, "Fliege"); дифтонг /ou/ из неабруптивного /ō/ независимо от его происхождения (klouk "klug", bouk "Buch", kou "Kuh", boum "Baum", oux "Auge", loupm "laufen"), дифтонг /öö/ - его закономерный умлаут (klöükr "klüger", böükr "Bücher", köö "Kühe", böüm "Bäume", nöüdi "nötig", löüm "glauben"). Широкие дифтонги /ai/ и /au/ возникли главным образом в результате стяжения некоторых фонемных сочетаний (gais "gehst", zain "säen", tain "zehn", hau "Heu", haun "hauen", benaut "bekommen", gau "schnell"). Кроме того, первый из них в ряде случаев представляет собой умлаут от /e/₂ </ai/ (gail "üppig", rain "rein", hailou "Heide" в отличие от eïŋ "eigen", greip "griff" и т.п.). Место неабруптивных, подвергшихся дифтонгизации, заняли новые монофтонги /ē/ </e/ (ētn "essen", pēpr "Pfeffer", gēl "gelb") и /ē/ </i/ (néñ "neun", zēkr "sicher", zēp "Sieb"); /ō/ </a/ (vōtr

Оппозиция	ä	ī	ū	ū	ē	ō	ō	ai	au	ei	öü	ou
Широкий раствор	+	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
Узкий раствор	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Сужение	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Задний ряд	0	-	-	+	-	-	+	-	+	-	-	+
Лабиализация	0	-	+	+	-	+	+	-	+	-	+	+

Таблица 11

Оппозиция	a	i	ü	u	e	ö	o	ī	ū	ū	ē	ō	ō	ä	ā	ai	au	öü
Абруптивность	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Широкий раствор	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-
Узкий раствор	-	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сужение	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
Задний ряд	0	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-
Лабиализация	0	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	-	+	-	+	+	-

"Wasser", mōk̥ "machen", hōgl "Hagel") и /ō/ < /ā/ (šōp "Schaf", mōn "Mond", blōzn "blasen"); место последнего, в свою очередь, заняли /o/ или /u/ испытавшие расширение и утратившие абруптивность (knāk̥ "Knochen", āmp "Ofen", kāl "Kohle", fāgl "Vogel", vān "wohnen", kām "kommen"). Узкие /ī/, /ü/, ./ū/ и все абруптивные сохраняют свое качество.

Несколько иная внутрифонемная сочетаемость тех же кинакем обнаруживается в подсистеме гласных мекленбургского говора г. Штауенхаген (округ Нойбранденбург, ГДР) [63, с. 30-38; 11, с. 244-245]:

i	ü	u	ī	ū	ū													
e	ö	o	ē	ō	ō													
a		ä	ā	ā	ai													

В матричном представлении она дается в табл. 11. В широком /ā/ совпали утратившие абруптивность неогубленные гласные переднего ряда и умлаут от /a/ (zäkr "Sicher", äzl "Esel", gläś "Gläser"). Единственный источник закрытого /ē/ – ранний умлаут от /ā/ (nēc, "Nähe"), в то время как прежнее неабруптивное /ē/ любого происхождения дает дифтонг /ai/ (hai "er", braif "Brief", brait "breit", rain "rein", laif "lieb", dainst "Dienst"). Аналогичным образом в широком гласном заднего ряда /ā/ совпали исконно неабруптивное /ā/ (šāp "Schaf", mān "Mond") и утратившие абруптивность /a/, /o/, /u/ (vātr "Wasser", kāl "Kohle", fāgl "Vogel"); закрытое

/ɔ/ восходит к /ə/ ₂ < зап.-герм. /a/ + /u/ (drōm "Traum", grōt "groß"). Наоборот, старое зап.-герм. /ə/ ₁ превращается в дифтонг /au/ (blaum "Blume", bauk "Buch", haun "Huhn"), который чередуется с дифтонгом /öü/ по умлауту (böükr "Bücher", höünr "Hühner").

Разные фонемы представлены в словах pāpr "Pfeffer" - spr "Schäfer", šlāç "Schläge" - lēç "mager, schlimm"; nās "Nase" - kēs "Käse", vī gām "wir geben" - vī rōm "wir gaben", ik ēt "ich esse" - ik ēt "ich aß" и т.п.; māk "mache" - rōk "Rauch", nām "nahm" - rōm "Rahm", šrāt "schräg" - grōt "groß", tāx "zäh" - öx "Auge", āpm "offen" - lōpm "laufen", bām "oben" - bōm "Baum" и т.д. Что касается различия по раствору между лабиализованными [ö] и [ö], то, несмотря на его регулярное отражение в описании Х. Гrimme и наличие минимальных пар вроде öl "Aale" - öl "Öl", фонематическая значимость данного различия вызывает сомнение по типологическим соображениям, а также потому, что сам автор характеризует оба звука как "довольно открытые" [63, с. 38]. В любом случае этот момент не затрагивает парадигматику кинакем.

В качестве примера подсистемы с оппозицией растворного расширения можно привести вокализм бранденбургского говора д. Хеккельберг (прибл. 25 км северо-восточнее Берлина) [88, с. 13-19]:

i	ü	u	ī	ū	ū	iə	üə	uə
e	ö	o	ē	ō	ō	ea	öa	oa
ä	.	a	ā	ā	ā			

Матрица неабруптивных фонем приводится в табл. 12.

Следует сказать, что в описании этого говора наряду с расширяющимися отмечены также и сужающиеся дифтонги, прежде всего [ei] и [au]. Однако при этом в подавляющем большинстве случаев речь идет лишь об особой реализации неабруптивных /ē/ /i/ /ö/ в абсолютном исходе слова, т.е. о комбинаторно обусловленных аллофонах этих монофтонгов (zei "See", ſnei "Schnee", ſtrau "Stroh", rau "roh" и т.п.) [88, с. 16, 17]. Кроме этой дифтонгизации в зиянии имеется еще несколько единичных примеров: слово hauen, в котором [au] восходит к зап.-герм. aui; два слова с дифтонгом [ai]: ai "Ei", отражающее зап.-герм. aii, и zaiger "Uhr" - явно верхненемецкое заимствование; наконец, четыре слова с дифтонгом [öü]: höü "Heu", ſtröüzl "Streu", ſtröüen "streu'en", fröüen "freuen" [Там же, с. 18-19]. Включать в вокалическую подсистему три или четыре дифтонга, представленные в шести-семи разрозненных словах, было бы крайним педантизмом; нужно либо признать названные сочетания бифонемным, либо отнести перечисленные слова к периферийным неосвоенным заимствованиям, каких немало в любом диалекте. Состав неустойчивых гласных данного говора ограничивается, следовательно, указанными шестью неширокими расширяющимися дифтонгами - тремя узкими и тремя неузкими.

Как известно, бранденбургский - колониальный диалект, сло-

Таблица 12

Оппозиция	ä	ā	ī	ū	ū	ē	ō	ō	iə	üə	uə	ea	öa	oa
Широкий раствор	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Узкий раствор	-	-	+	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
Расширение	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
Задний ряд	-	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	+
Лабиализация	-	-	-	+	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+

жившийся при непосредственном участии и последующем постоянно возраставшем влиянии верхненемецкого [11, с. 41, 245]. Прямым продолжением соответствующих средневерхненемецких являются дифтонги узкого раствора (*kiən* "Kien", *liəf* "lieb", *bruədər* "Bruder", *huət* "Hut", *jrüən* "grün", *müədə* "müde") [88, с. 18]. Дифтонги среднего раствора восходят к бывшим кратким (абruptивным) гласным, подвергшимся удлинению (т.е. утратившим абруптивность) в открытом слоге и некоторых других положениях: /eə/ < /i/, /e/ и умлаут от /a/ (*vəazə* "Wiese", *əatn* "essen", *beatər* "besser"), /əa/ < /o/, /a/, к которым примыкает и /ā/ (*Jebrqakŋ* "gebrochen", *vəatər* "Wasser", *blq-azn* "blasen"); /öa/ < /ö/ (*bɔ̄an* "Boden", *šlötər* "Schlüssel") [Там же, с. 14–16].

Узкие неабруптивные монофтонги сохраняются по нижненемецкому образцу (*is* "Eis", *rīpə* "reif", *brūn* "braun", *mūl* "Maul", *hūzər* "Häuser", *lūdə* "Leute", *tūç* "Zeug") [88, с. 17]. При формировании прочих большую роль играло стяжение разнообразных фонемных групп. Так, /ē/ отражает не только ранний умлаут от /ā/ (*kēzə* "Käse", *lēç* "niedrig") и /e/ ₂ < зап.-герм. /ai/ (*bēnə* "Beine", *fleš* "Fleisch"), но и стяженное средневерхненемецкое сочетание – iege (*flēn* "fliegen", *špēl* "Spiegel"); /ō/ восходит не только к /ō/ ₂ < зап.-герм. /au/ (*bōm* "Baum", *ōk* "auch"), но и к ср.-верхненем. -ouge, -uoge, -uove (*ōn* "Augen", *plōx* "Pflug", *hōn* "Hufe"); точно так же /ō/- не только умлаут от /ō/ (*bōme*, "Bäume"), но и результат стяжения групп üege, üeve (*plōn* "pflügen", *ōver* "Ufer", *farbrōn* "verbrühen"). Источником /ā/ были поздний умлаут от /ā/ (*māən* "mähen", *vārə* "wäre"), а также сочетания ege, öge (*ādə* "Egge" < egede, *brān* "Gehirn" < bregen, *trā* "Tröge"). Исключительно результатом стяжения является /ā/ (старое /ā/ дало дифтонг /oa/ (см. выше)): *hāl* "Hagel", *vān* "Wagen", *šnāl* "Schnabel", *fāl* "Vogel", *jeflān* "geflogen", *bakān* "Backofen", *frān* "fragen", *zunānt* "Sonnabend" и т.д. [Там же, с. 15–18].

Перечисленных примеров достаточно для иллюстрации комбинаторики кинакем в вокалических подсистемах названного типа.

Тип 3. Сочетание двух оппозиций растворного скольжения с противоположной направленностью при одной локальной оппозиции встречается почти исключительно в верхненемецких диалектах, в большей части которых после делабиализаций умлаута сохраняются

Таблица 13

Оппозиция	ā	å	ē	ō	ē	ō	ī	ū	ai	au	ea	qa	ia	ua
Широкий раствор	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
Узкий раствор	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-	+	+
Сужение	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-
Расширение	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+
Лабиализация	-	+	-	+	+	-	+	-	+	-	+	-	-	+

лишь два тембровых класса. Сюда относятся прежде всего баварские говоры. Таков, в частности, вокализм среднебаварского говора Мюнхена и его окрестностей [54, с. 14-20; 68, с. 24; 74, с. 11-21]:

i	u	ī	ū	ia	ua
e	o	ē	ō	ea	qa
ē	ö	ē	ō		
a	a	ā	ā	ai	au

Матрица для неабруптивных гласных дается в табл. 13. В качестве единственной тембровой здесь выступает оппозиция лабиализации [89, с. 89-90]. В составе абруптивных и неабруптивных монофтонгов максимально широкого раствора ее кинакемы противопоставляют "темные" /ā/, /ā/ "светлым" /a/, /ā/. Первое восходит к ср.-верхненем./a/, другое - к "обратному" умлауту от него [11, с. 201, 226, 228]: bān "baden", brān "braten", grām "graben", sān "sagen", но drān "drehen", nān "nähen", san "säen", fān "Faden" - fādal "Fädchen", fāna Fahne "- fāndl "Fähnchen", dāg "Tag" - dāg "Tage" (< Tage); flāšn "Flasche" - flašl "Fläschchen", i vār "ich war" - i vār "ich wäre" и т.д. Источником неабруптивного /ā/ послужил также ср.-верхненем. дифтонг /ou/, в основном перед губными согласными (bām "Baum", glām "glauben", i kāf "ich kaufe"), а иногда и перед другими (ā "auch", но auŋ "Augen", rauxa "rauchen") [Там же, с. 221]. Первичный умлаут и старое зап.-герм. /ē/ дают как закрытые /e/, /ē/, так и открытые /e/, /ē/ (hend "Hände", vend "Wände", esn "essen", lēsn "lesen", gēm "geben", nēm "nehmen", gēsd "Gäste", bēdn "beten", sēn "sehen", lēga "lecken" и т.д.; ср. [Там же, с. 228-229]). К ним примыкают делабиализованные /ö/, /ō/ (bēs "böse", šē "schön", hean "hören", šdean "stören" и т.д.).

Происхождение сужающихся дифтонгов не нуждается в пояснении.

ниях: /aʊ/ < /u/ (haus); /ai/ < /ü/, /i/ (haisa "Häuser", laid "Leute", dsaid "Zeit"). Узкие расширяющиеся дифтонги соответствуют средневерхненемецким: /ua/ < /uo/ (fuas "Fuß", huad "Hut"); /ia/ < /üe/, /ie/ (fias "Füße", hiad "Hüte", briaf "Brief", liab "lieb"). Дифтонг /oa/ является отражениемср.-верхненем. /ei/ (hoam "heim", roasn "reisen", i voas "ich weiß", broad "breit", gloa "klein", šdoa "Stein"). С ним чередуется дифтонг /ea/ (breada "breiter", gleana "kleine", šdeana "Steine"), который отчасти имеет также и иное происхождение (eana "ihnen", fadeana "verdienen", greamen "krümeln", neamd "niemand" и проч.). Многочисленные сочетания с вокализованными плавными согласными (feid "Feld", dsain "zählen", geān "gern", boa "paar", foi "voll", fui "viel" и т.п. [74, с. 13]), разумеется, к дифтонгам не относятся.

Известны вокалические подсистемы с четырьмя сужающимися и четырьмя расширяющимися дифтонгами, как в говоре г. Ойрасбург (к югу от Мюнхена) [54, с. 15-17]:

i	u	ɪ	ʊ	ia	ua
e	o	ē	ō	ea	oa
ɛ	ɔ	ɛ̄	ɔ̄	ei	ou
a	å	ā	ā̄	ai	au

Столько же дифтонгов в австрийском говоре Пинцгау (юго-западнее Зальцбурга); [Там же] и в некоторых других.

Отметим еще раз, что парадигматическое тождество или подобие подсистемы гласных может сопровождаться взаимным несоответствием отдельных фонем в плане их происхождения. Например, типологически весьма сходен с мюнхенским вокализм одного из фогтландских (в основе восточнофранкских) говоров на юге ГДР [77, с. 29-63, 115]:

i	u	ɪ	ʊ	iə	uə
e	o	ē	ō	ea	oa
ɛ	ɔ	ɛ̄	ɔ̄		
a		ā		ai	au

Единственное отличие заключается в характере тембровой оппозиции – в фогтландском это оппозиция заднего ряда, причем максимально широкие монофтонги не имеют в своем составе соответствующих кинакем. В обоих говорах представлены фонологически совершенно идентичные дифтонги, из которых сужающиеся соответствуют друг другу и этимологически: /au/ < /u/ (maus); /ai/ < /ü/, /iū/, /i/ (mais "Mäuse", nai "neu", dai "dein"). Иначе обстоит дело с расширяющимися дифтонгами. Узкие восходят к гласным среднего раствора, неабruptивным изначально либо утратившим

абruptивность, т.е. /ue/ </ö/, /o/ (bruəd "Brot", fruəš "Frosch", fuəxli "Vogel", luəs "los"); /iə/ </ē/; /ö/, /ö/ (šniə "Schnee", viə "weh", šiə "schön", biəs "böse", hiəl "Höhle", iəl "Öl", fiəçl "Vögel" и т.д.). Дифтонг /oa/-отражение ср.-верхненем. /a/ (dsoam "zahm", noamə "Name"); /ea/ - умлаут от него (dseame "zähmen", neamə "Namen"). В отличие от баварского в фогтландском говоре стоящие дифтонги подвергаются стяжению (dīf "tief", dūx "Tuch", dīçl "Tüchlein", glā "klein", šdā "Stein", rās "Reise" āxŋ "Augen", bām "Baum", frā "Frau" и т.п.). Если в баварском gruas = "Gruß", grias = "Grüße", то в фогтландском gruəs = "groß", griəs = "Größe".

Из нижненемецких диалектов к этому типу относится один из очень своеобразных островных говоров, распространенный в Алтайском крае и других местах Сибири и Средней Азии. Его вокалическая подсистема выглядит так:

i	u	ি	ü	ea	oa
ä	o	é	ö	ei	ou
-	-	-	á	äi	åu

Положительная кинакема abruptивности не сочетается с кинакемами широкого и неширокого раствора; спонтанная палатализация /ü/ > /ü/ свидетельствует о релевантности лабиализации, а не ряда (табл. 14).

Инвентарь гласных фонем сложился в результате ряда изменений среднениженемецкого вокализма: /i/ </i/, /ü/ в определенных положениях (vint "Wind", dit "dick", trid' "zurück"); /ä/ </e/, /i/, /ü/ (hän' "Hände", bätä "bitter", T'rät' "Krücke"); /u/ </u/, хотя и не во всех случаях (juŋk "jung", šult "Schuld"); /ø/ </o/, /u/, /a/ при определенных условиях (volt' "Wolke", kɔrf "Korb", krom "krumm", lɔst "Lust" kɔlt "kalt", zɔlt "Salz").

Из узких неабruptивных /í/ является прямым продолжением ср.-нижненем. /i/ (iſ "Eis", vif "Weib"); с ним совпало /ü/, подвергшееся делабиализации (tīn "Zäune", hīza "Häuser"), в то время как /ü/ претерпело палатализацию и в речи большинства носителей говора реализуется в виде /ü/ (tūn "Zaun", hūs "Haus", füł "faul"). Гласный /é/ имеет своим источником ср.-нижненем. /é/ перед палатальными /j/ и /t'/ (spējəl' "Spiegel", ējən "eigen", ēt' "Eiche", vēt' "weich"), а также утрачившее abruptивность /ë/ в большинстве позиций (bēta "besser", ēzəl "Esel", rēdə "reden") и отчасти /ö/ и /ü/ (hēv "Höfe", šlēda "Schlösser", šlētəl "Schlüssel"). Источниками /ö/ были ср.-нижненем. /ö/ перед заднеязычными (rōk "Rauch", plōx "Pflug", öy "Auge"); /o/ в исходно открытом слоге (öp "auf, offen", övə "Ofen", zöł "Sohle"); /a/ также в первоначально открытом слоге пе-

Таблица 14

Оппозиция	i	u	ä	ø	ā	ī	ū	ē	ō	äi	åu	ei	ou	ea	oa
Абруптивность	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Широкий раствор	0	0	0	0	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-
Узкий раствор	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сужение	0	0	0	0	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-
Расширение	0	0	0	0	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+
Лабиализация	-	+	-	+	0	-	+	-	+	-	+	-	-	+	+

перед любыми согласными, кроме заднеязычных (*öp "Affe"*, *kōta "Kater"*, *nōmə "Name"*), и неабруптивное /ā/ (*ōvənt "Abend"*, *rōt "Rat"*, *šōf "Schaf"*). Место последнего в системе заняли /a/, утратившее абруптивность перед заднеязычными согласными (*āxt "acht"*, *dāk "Dach"*, *lāŋk "lang"*), умлаут от него (*bād "Bett"*, *rānə "rennen"*, *jāst "Gäste"*, *t'ālva "Kälber"*), рефлексы зап.-герм./ē/ в первоначально закрытом слоге (*lāda "Leder"*, *vāda "Wetter"*, *vāç "Weg"*) и совпавшего с ним умлаута от /o/ в том же положении (*bāt "Böcke"*, *rāt "Röcke"*, *štāt "Stöcke"*, *t'āp "Köpfe"*) и др.

Дифтонг /au/ восходит главным образом к утратившему абруптивность широкому гласному /a/ (*auš "Asche"*, *daut "das"*, *gaust "Gast"*, *haund "Hand"*, *maun "Mann"* и т.п.). Высокая регулярность перехода /a/ > /au/, практически не знающего исключений и не получившего компенсации, обусловила сохранение в классе абруптивных лишь двух ступеней раствора. Столь же регулярно развитие дифтонга /äi/ из /ē/, кроме отмеченной выше позиции перед палатальными (*špäina "Späne"*, *t'äiz "Käse"*, *bräif "Brief"*, *läif "lieb"*, *t'läit "Kleid"*, *däil "Teil"*, *šnäi "Schnee"*, *däinə "dienen"*, *däip "tief"* и т.д.). Сужающиеся дифтонги среднего раствора не обнаруживают параллелизма в своем происхождении: /ou/ является отражением /ō/ перед любыми согласными, кроме заднеязычных (*boum "Baum"*, *fout "Fuß"*, *koul "Kohl"*); /ei/ имеет разные источники (*jeit "geht"*, *šeit "steht"*, *šeit "schlägt"*, *neiə "nähern"*), одним из которых были многочисленные верхненемецкие заимствования, органически вошедшие в состав диалектных форм (*jeist "Geist"*, *tseituk "Zeitung"*; *mei "Mai"*, *jäheim "geheim"* и др.).

Расширяющийся дифтонг /ea/ развивается из /e/ перед палатальными согласными (*meat'ə "Mädchen"*, *neajəl "Nägel"*, *breat'ə "brechen"*, *reajən "Regen"*, *leaç "niedrig"*), частично также из /u/ по умлауту в том же положении (*beajəl "Bügel"*, *feajəl "Vögel"*), дифтонг /oa/ — из утративших абруптивность /a/ и /o/ перед заднеязычными (*noajəl "Nagel"*,

Таблица 15

Оппозиция	ä	ö	i	ü	ú	öö	ó	ai	au	ei	iæ	üæ	uæ
Широкий раствор	+	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-
Узкий раствор	-	-	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+
Сужение	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-
Расширение	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
Задний ряд	-	+	-	-	+	-	+	+	-	-	-	-	+
Лабиализация	-	+	-	+	+	+	-	+	-	-	-	+	+

kroayə "Kragen", moakə "machen", jəpoayə "geflogen", jəboayə "gebogen", knoakə "Knochen").

Как видим, в формировании вокализма этого говора большую роль сыграла фонологизация комбинаторных аллофонов.

Тип. 4. Этот тип объединяет подсистемы гласных, строящиеся на семи оппозициях, в том числе на двух тембровых и двух растворного скольжения. Примером может служить вокализм вестфальского говора с. Остбеверн (северо-восточнее Мюнстера) в том виде, как он предстает из традиционного сравнительно-исторического описания [63, с. 30–38] с сохранением транскрипции автора и с учетом его поправок [Там же, с. 166]:

i	ü	u	í	ü	ú	iæ	üæ	uæ
e	ö	o	-	ö	ö	ei	-	-
ɛ	a	á	ö	ö	ai		au	

Абруптивные монофтонги широкого раствора противопоставлены по ряду; неабруптивные – по ряду и огубленности; отсутствие неабруптивного /e/ компенсируется сужающимся дифтонгом. Комбинаторика кинакем в составе неабруптивных гласных дается в табл. 15.

Абруптивные /e/ и /ɛ/ различаются соответственно как первичный и вторичный умлаут (mes "Messer", menske "Mensch", v̄es "wächst", h̄enig, "handlich"). Из других широких монофтонгов /á/ является отражением старого /a/ в открытом слоге (mákŋ "machen", v̄atr "Wasser"), гласный /ö/ – отражением старого /á/ (blōzn "blasen", sxōp "Schaf"). Неширокое /ö/ соответствует западно-германскому (blōmə "Blume", bōk "Buch").

Дифтонг /ei/ – рефлекс зап.-герм. /ai/ (bein "Bein", deil "Teil", creip "griff"), дифтонг /au/ – соответствие зап.-герм. /au/ (xraut "groß", laupm "laufen", baum "Baum"), дифтонг /ai/ – умлаут от него (naidic "nötig"; laibm "glauen", baimə "Bäume") и, кроме того, отражение неабруптивного /e/ различного происхождения (sxaipr "Schäfer", kaizə "Käse", vaitə "Weizen", tain "zehn", laif "lieb", spaijl "Spiegel" и т.п.).

Все расширяющиеся дифтонги в конечном счете восходят к бывшим абруптивным: /iə/ развивается из /e/ (*iətn* "essen", *piepr* "Pfeffer", *niəzə* "Nase", *kiətl* "Kessel") и /i/ (*siəkr* "sicher", *siəft* "Sieb"), /uə/ – из /o/ и /u/ (*uəbm* "Ofen", *kuələ* "Kohle" *fuəgl* "Vogel", *kuəmə* "kommen"), в дифтонге /üə/ совпали /ö/ и /ü/ (*hüəvə* "Höfe", *nüətə* "Nüsse").

Из верхненемецких диалектов к этому типу относятся некоторые швейцарские, например говор Берна [66, с. 88–93], вокализм которого при отвлечении от явных позиционных вариантов некоторых фонем выглядит следующим образом:

i	ü	u	ī	ū	ō	iə	üə	uə
e	ö	o	ē	ö	ō	ei	öi	ou
ɛ	ɔ	ɔ	ɛ̄	ɔ̄	ɔ̄			
a			ā					

Крайним консерватизмом верхнеалеманнского объясняется практическое полное соответствие всех дифтонгов исходным средневерхненемецким (*b̄liəssə* "beschließen", *xöiffər* "Käufer", *xoiffə* "kaufen", *meina* "meinen", *füəss* "Füße"). Единственное отличие заключается в том, что к сужающимся дифтонгам примкнули также неабруптивные узкие и сочетание /iu/, однако лишь в зиянии (*frei*, *bouə* "bauen"; *xnöi* "Knie").

Перечисленные четыре типа охватывают значительное количество вокалических подсистем. Наличие гласных с подвижной артикуляцией, при которой скольжение осуществляется в вертикальной плоскости, т.е. от одного раствора к другому, было яркой отличительной чертой немецкого языка уже на ранних этапах его развития [33, с. 60–61]. Однако наряду с этим во многих диалектах имеются и тембровые дифтонги с изменением артикуляции в горизонтальной плоскости, первоначально немецкому не свойственные. Происхождение их различно, как будет показано ниже. Зачастую в вокализме бывает представлен только один такой дифтонг, например /oi/ и если бы речь шла об одном диалекте, его можно было бы трактовать как бифонемное сочетание или рассматривать как элемент, слабо интегрированный в систему, находящийся на ее периферии и т.п. Но для достижения максимальной обобщенности описания целесообразно признать особую дополнительную оппозицию тембрового скольжения, относительно независимую от остальных и свободно сочетающуюся с любым из четырех основных парадигматических типов. Соответствующие кинакемы, естественно, могут входить только в состав неабруптивных гласных.

Примерами парадигмы первого типа, расширенной за счет оппозиции тембрового скольжения, являются вокалические подсистемы тех верхненемецких говоров, где делабиализация затронула только передние монофтонги (/ü/ > /i/, /ö/ > /e/), но не дифтонг /oi/, восходящий к /ū/ либо /iu/ (*lois* "Läuse", *noi* "neu"), наря-

ду с которым имеются еще и обычные растворные дифтонги [53, с. 72-77]:

i	u	ি	ü		
e	o	ে	০		oi
়	ঽ	়ে	ঽ		
a		া		ai	au

В дифтонге /oi/ объединяются кинакемы неабруптивности, неширокого и неузкого раствора, заднего ряда и тембрового скольжения, т.е. скольжения к переднему ряду. Некоторое сужение раствора при этом – только побочный момент, обусловленный особенностями субстантной реализации такого сочетания кинакем [27, с. 33; 30, с. 79] и сам по себе лишенный фонологической значимости. В тех случаях, когда именно он становится релевантным, дифтонг утрачивает положительную кинакему заднего ряда и (или) кинакему лабиализации и из тембрового становится растворным, что фонетически описывается как его расширение, сопровождаемое делабиализацией: /oi/ > /ai/ (*hoisər* > *haisər* "Häuser"). В немецких диалектах совмещение в одной фонеме положительных кинакем растворного и тембрового скольжения, по-видимому, невозможно; так называемые "центральные" дифтонги требуют отдельного рассмотрения (см. ниже).

Так же легко дополнительная оппозиция тембрового скольжения сочетается с парадигмой типа 2, для иллюстрации чего достаточно примера северонижнесаксонского говора Ольденбурга [11, с. 239–240, 246–248].

i	ü	u	ি	়	ু		
e	়	o	ে	ঽ	০		oi
a			া	়	া	ai	au

Комбинаторика кинакем в составе неабруптивных гласных показана в табл. 16. Дифтонги являются отражением западногерманских бифонемных сочетаний (*zaiən* "säen", *naiən* "nähen", *zail* "Segel", *zaizə* "Sense", *hauən* "hauen", *šauən* "schaufen", *grau*, *blau*, *bloiən* "blühen", *moiən* "mähen", *froidə* "Freude", *hoi* "Heu" и т.п.). В остальном дифтонгизация в этом говоре совершенно отсутствует. Узкие неабруптивные сохраняют свой характер, как почти повсеместно в нижненемецком (*tít* "Zeit", *hüs* "Haus", *für* "Feuer"). В закрытых /ě/, /ö/, /ɔ/ совпадали соответствующие старые долгие независимо от их происхождения (*kēs* "Käse", *brēt* "breit", *šnē* "Schnee", *grēp* "griff", *klēn* "klein", *dēp* "tief", *fōt* "Fuß", *grōt* "groß", *lōf* "Laub", *zōt* "süß", *bōme* "Bäume", *kōpm* "kaufen" и т.д.). В противоположность этому в широких монофтонгах отражаются исконно краткие, впоследствии отошедшие к неабруптивным с общим сохранением тембра: /ার/ </়ে/ , /়ে/ , /ি/

Таблица 16

Оппозиция	i	ü	ū	ē	ö	ō	ä	ÿ	ā	ai	au	oi
Широкий раствор	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-
Узкий раствор	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сужение	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	0
Задний ряд	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-	+	+
Лабиализация	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+
Тембровое сколь- жение	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	+

(ātn "essen", pāpr "Pfeffer", bātr "besser", äzl "Esel", spāln "spielen", vātn "wissen"); /ā/ </a/, /o/, /u/ (dāl "Tal", tān "Zahn", bāgn "Bogen", bābm "oben", fāgl "Vogel", vānn "wohnen"); /ÿ/ </ö/, /ü/ (hÿve "Höfe", stönn "stöhnen", fÿgl "Vögel", ÿvi "übel").

Попутно можно отметить, что интерпретацию с помощью семи указанных пар кинакем, очевидно, допускает и вокализм немецкого литературного языка.

Расширение парадигматического типа 3 дает дифтонги трех видов – сужающиеся, расширяющиеся и тембровые. Ограничиваюсь одним примером, сошлемся хотя бы на подсистему гласных нижнегесенского говора с. Вайденхаузен северо-западнее Марбурга [61, с. 11–21]:

i	u	ī	ū	iə	ue
e	o	ē	ō	ea	oa
a		ā			
				ei	ou
				ai	au

Структура неабруптивных гласных в матричном представлении дается в табл. 17.

Девять дифтонгов, обладающие несомненным фонемным статусом, явились результатом действия ряда процессов, не отличавшихся строгой последовательностью и полнотой охвата. Источниками дифтонга /iə/ были /e/ в открытом слоге, /i/ в закрытом слоге, в отдельных случаях – умлаут от /ā/ (niəmə "nehmen", liəsə "lesen", biəsə "Besen", giəfd "Gift", fiənər "Finger", biənə "binden", ūiəfər "Schäfer", ūiər "Schere", ūviər "schwer"). Дифтонг /uə/ восходит к /o/ в открытом слоге либо к ср.-верхненем. /ā/ (huəse "Hose", gnuərə "Knoten", uərəm "Atem", bluəsə "blasen", nuəl "Nadel" и т.д.). Начало дифтонгу /ea/ дало главным образом /e/ в закрытом слоге, отчасти также ср.-верхненем. /ou/ (healfə "helfen",

Таблица 17

Оппозиция	ā	ī	ū	ē	ō	ai	au	iə	uə	ei	ou	ea	oa	oi
Широкий раствор	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-
кор														
Узкий раствор	-	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
Сужение	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	0
Расширение	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	0	
Задний ряд	ō	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+
Тембровое скольжение	-	-	-	-	-	ō	ō	ō	ō	ō	ō	ō	ō	+

wasə "essen", ſeab "schieſ", eaſ "auch", reax "Rauch" и т.д.). Дифтонг /oa/ — продукт развития /a/ в открытом либо закрытом слоге (groaxe "Kragen", noavəl "Nabel", boare "baden", oas "Achſe", voaſə "wachsen").

Основой сужающегося дифтонга /ei/ послужили ср.-верхненем. /ie/, /ei/, /öü/ (breib "Brief", meira "mieten", leib "lieb", geiſə "gießen", glei "Klein", bei "Bein", dreim "träumen", dseim "Zäume" и т.п.). Задний дифтонг /ou/ — "обращенное" отражение ср.-верхненем./uo/ (goud "gut", fous "Fuß", ſoul "Schule").

Дифтонг /ai/ восходит не только к долгому /i/ (blaivə "bleiben", baiſə "beißen"), но и к умлауту от /a/ перед заднеязычными (daig "Decke", saig "Säcke" и др.), точно так же, как дифтонг /au/ соответствует не только долгому /ū/ (laud, braun), но в отдельных случаях и западногерманскому сочетанию /iu/ (nau "neu", naud "nichts", hau "heute" и т.д.). Однако более обычным отражением этого сочетания является все же тембровый дифтонг /oi/ (doiər "teuer", doiəl "Teufel", droi "treu", loi "Leute", noi "neun", ſoiər "Scheune" и т.п.). Кроме того, этот дифтонг возникает как результат перегласовки ср.-верхненем. /ū/ и /uo/ (fois "Füße", ſdoil "Stühle", moi "müde", gloiniq "glühend", mois "Mäuse", hoisçə "Häuschen", loire "läuten", hoir "Häute" и др.). Еще одним его источником был умлаут от /o/ перед заднеязычными согласными в закрытом слоге (roig "Röcke", boig "Böcke", ſdoig "Stöcke" и т.д.).

Расширение парадигмы четвертого типа до восьми оппозиций дает максимально богатый инвентарь гласных фонем; так, например, в восточнофранкском говоре г. Штадтштайнах севернее Байрата [81, с. 13–65]:

i	ü	u	ī	ū	ō	iə	üə	uo
e	ö	o	ē	ō	ō	ei	öi	ou
ɛ	ɔ	ø	ɛ̄	ø̄	ø̄			oi
a			ā			ai		au

Таблица 18

Оппозиция	ā	ī	ū	ū	ē	ō	ō	ē	ō	iə	üe	uo	ai	au	ei	öi	ou	oi
Широкий раствор	+	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-
Узкий раствор	-	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
Сужение	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	0	0
Расширение	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	0	0
Задний ряд	0	-	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+
Лабиализация	0	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+
Тембральное скольжение	-	-	-	-	-	-	-	-	0	0	0	0	0	0	0	0	+	+

В табл. 18 приводятся только неабруптивные гласные. Дифтонг /öi/ кажется более естественным считать растворным, а не тембровым.

Все дифтонги в этом говоре нового происхождения, т.е. этимологически не совпадают со средневерхненемецкими. В общих чертах исторические соответствия сводятся к следующим:

/iə/ </e/, /ī/ , хотя и не во всех случаях (*iəsl* "Esel", *riəd* "Rede", *hiəfm* "Hefe", *siəl* "Seele");

/üə/ </ö/, /ō/ , также не совсем последовательно (*üəfm* "Öfen", *üəl* "Öl", *büəs* "böse", *nüədic* "nötig");

/uo/ </o/, /ō/ (*buog* "Bock", *buoŋ* "Bogen", *fluox* "Floß", *fruoš* "Frosch", *huox* "hoch", *ruod* "rot");

Старые расширяющиеся дифтонги подверглись монофтонгизации (*lib* "lieb", *dīna* "dienen", *grū* "grün", *drū* "trübe", *fūs* "Fuß", *grūx* "Krug" и т.д.);

/ei/ </e/, /ē/ в значительном числе слов (*beisn* "Besen", *breid* "Brett", *neiſd* "Nest", *reidə* "Räder", *dreid* "Drähte", *eif* "Eva"). Распределение /iə/ и /ei/ не подчиняется строгим правилам; в некоторых случаях отмечены параллельные формы, например *iəwiç* / *eiwiç* "ewig" и т.п. [81, с. 27];

/öi/ </ö/, /ō/ в ряде слов вместо более регулярного [üə] (*de öibə* "der obere", *föigl* "Vögel", *höi* "Höhe", *flöi* "Flöhe");

/ou/ </a/, /ā/ (*hous* "Hase", *ousd* "Ast", *doux* "Dach", *boux* "Bach", *droud* "Draht", *blousn* "Blase" и т.д.);

Средневерхненемецкие дифтонги /ei/ и /ou/ совпали в неабруптивном /ā/ (*brād* "breit", *flāš* "Fleisch", *glād* "Kleid", *hās* "heiß", *āx* "Auge", *bām* "Baum", *dāb* "taub", *dāŋ* "taugen", *frā* "Frau" и т.п.);

Дифтонг /öü/ отражается в виде двух фонем – частично /oi/, частично /ai/ (froid "Freude", loīja "leugnen", boiñ "beugen", hai "Heu", ſlaifm "Schlaufe" и др.); старое /i/ наряду с обычной верхненемецкой дифтонгизацией (blai "Blei", drai "drei") в ряде случаев в результате мгновенной лабиализации дает /oi/ (bfoifm "Pfeife" ɔroifm "greifen", ſoim "Scheibe" и т.д.).

Таким образом, тембровый дифтонг в этом говоре имеет разные источники – отчасти /i/, отчасти ср.-верхненем. /öü/, однако прежде всего все же умлаут от /ü/ и сочетание /iu/ (goil "Gäule", ſoi "Säue", mois "Mäuse", groidə "Kräuter", oic "euch", loigdn "leuchten", loid "Leute").

* * *

Отдельного внимания заслуживают вокалические подсистемы некоторых нижненемецких говоров, например острфальского в районе Гослар–Зальцгиттер [69, с. 38–159]:

i	u			iə	uə	ui
e	o	ɛ	ɔ	ei	ou	oi
a				ai	au	

или вестфальского говора г. Зост к востоку от Дортмунда [11, с. 239–242, 246]:

i	ü	u		iə	üə	uə		iu	ui
e	ö	o	ɛ	ea	öa	oa		eo	oe
a			ā	ai		au			

Соотношение между дифтонгами и неабруптивными монофтонгами в таких подсистемах свидетельствует о том, что одна из оппозиций растворного скольжения заменена здесь новой – оппозицией устойчивости, известной и другим германским языкам – английскому и исландскому [33, с. 54, 109–110]. В названном острфальском говоре положительная кинакема устойчивой артикуляции входит в состав гласных /ɛ/ и /ɔ/, положительная кинакема тембрового скольжения – в структуру фонем /ui/ и /oi/, положительная кинакема расширения раствора – в состав /iə/ и /uə/. Четыре сужающихся дифтонга являются неабруптивными гласными, объединяющими в себе отрицательные кинакемы неустойчивой артикуляции, нерасширения по раствору и нескользжения по тембру. Весь вокализм строится на семи оппозициях (табл. 19).

Оставляя в стороне детали, отметим, что неабруптивное устойчивое /ɛ/ восходит к ср.-нижненем. /e/ либо /ē/ (bētər "besser", ſēmə "Fäden", brēkən "brechen", rēn "Regen"); устойчивое /ɔ/ – к /a/ или /a/ (fōn "Fahne", grōzən "grasen", ɔmt "Abend", ɔdər "Ader"). Источниками расширяющихся

Таблица 19

Оппозиция	а	и	и е	е о	ö	ö	iə	uə	ui	oi	ai	au	ei	ou
Абруптивность	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Широкий рас- твор	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
Узкий раст- вор	-	+	+	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-
Устойчивость	0	0	0	0	0	+ +	-	-	-	-	-	-	-	-
Расширение	0	0	0	0	0	0	+	+	0	0	-	-	-	-
Задний ряд	0	-	+	-	+	-	+	+	+	-	+	-	+	-
Тембровое скольжение	0	0	0	0	0	0	0	0	+	+	-	-	-	-

дифтонгов были: для /iə/ - ср.-нижненем. /e/ и /ö/ разного происхождения, исконно долгие либо утратившие абруптивность (biēke "Bach", jiəbm "geben", iəl "Öl", kiēkə "Küche", kiēsə "Käse", hiətn "heißen", liərn "lehren", biəmə "Bäume" и т. п.); для /uə/ - зап.-герм. /o/ и /u/, совпавшие в ср.-нижненем. неабруптивном /ö/, а также зап.-герм. /au/ (buən "Bogen", uəbm "Ofen", kuəm "kommen", zuənə "Sohn", buəm "Baum", gruət "groß", uə "Auge" и т. д.). Из тембровых дифтонгов /ui/ является отражением ср.-нижненем. неабруптивного /ü/ или сочетания /iu/ (muizə "Mäuse", luiən "läutten", zuipər "Säufer", trui "Treu", duiər "teuer", duibəl "Teufel"); /oi/ - отражением умлаута ср.-нижненем. /ö/, соответствующего зап.-герм. /ö/, или сочетания /oi/ (boikər "Bücher", broiər "Brüder", groin "grün", froi "früh", moiə "Mühe", koiə "Kühe" и др.). Источник сужающегося дифтонга /ai/ - ср.-нижненем. /e/, происходящий из зап.-герм. /ai/, ср.-нижненем. /ei/ (flais "Fleisch", řaif "schief", vai "weh", klain "klein", aikə "Eiche", zaizə "Sense", tain "zehn", spail "Spiegel") и др.

Дифтонг /au/ - отражение зап.-герм. /ö/ и сочетаний ouw, auw (bauk "Buch", faut "Fuß", haun "Huhn", blaū, grau). Наконец, дифтонги /eɪ/ и /oɪ/ (eis "Eis", deik "Teich", bouk "Bauch", brout "Braut" и т. п.).

В отличие от рассмотренного, в вестфальском говоре Зоста, насчитывающем рекордное количество дифтонгов, модальная оппозиция устойчивости, очевидно, используется вместо оппозиции растворного расширения. Иными словами, расширяющиеся дифтонги включают в себя только отрицательные кинакемы четырех динамических оппозиций - неабруптивности, неустойчивой артикуляции, несужающегося раствора, нескольжения по тембру. В тембровых дифтонгах представлено как скольжение от заднего ряда к незаднему - /ui/, /oi/, так и более редкое изменение артикуляции в противоположном направлении - /iu/, /eo/. Внутрифонемная сочетаемость

Таблица 20

Оппозиция	ā	ē	ö	öai	au	iu	ui	eo	oə	iə	üə	uə	ea	öa	oa
Широкий	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
раствор															
Узкий ра-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	+	-	-	-
створ															
Устойчи-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
вость															
Сужение	0	0	0	0	+	+	0	0	0	0	-	-	-	-	-
Зыдний ряд	0	-	-	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	-	+
Лабиали-	0	-	+	+	-	+	-	+	-	+	+	-	+	-	+
зация															
Тембровое	0	0	0	0	0	0	+	+	+	+	-	-	-	-	-
скольже-															
ние															

кинакем восьми оппозиций для неабруптивных гласных дается в табл. 20.

Отвлекаясь от весьма непростых диахронических соответствий, ограничимся рядом примеров на дифтонги:

- /ai/: spaɪ̯l "Spiegel", slaip "schließt", saikə "suche", klain "klein";
 /au/: staul "Stuhl", blaum "Blume", bauk "Buch", kauk "klug";
 /iə/: iəzl "Esel", liəpl "Löffel", kiətl "Kessel", sçiape "Schiffe";
 /üə/: küəkə "Küche", slüətl "Schlüssel", müələ "Mühle", nüətə "Nusse";
 /uə/: suəma "Sommer", suənə "Sohne", fuəgl "Vogel", kuəme "komme";
 /ea/: meal "Mehl", veake "Woche", leava "Leber", feata "Fässer";
 /öa/: köakə "Köche", höava "Höfe", slöata "Schlösser";
 /oa/: koalə "Kohle", knoakə "Knochen", oapm "offen", stoaln "gestohlen";
 /iu/: hius "Haus", mius "Maus", biutn "draußen";
 /ui/: tuit "Zeit", huiza "Häuser", muin "mein";
 /eo/: breot "Brot", deot "tot", leopə "laufe";
 /oə/: boəmə "Bäume", vəæk "weich", sŋə "Schnee", xroəp "griff".

Еще раз отметим, что положительная кинакема устойчивой артикуляции несовместима ни с какими кинакемами изменения раствора или тембра; положительная кинакема растворного скольжения – сужения или расширения – исключает любые кинакемы тембрового скольжения и наоборот.

Особый характер скользящей артикуляции имеют "центральные" (точнее, "декентрирующие") дифтонги, представленные в северно-баденском, швабском, нижнеалеманских (эльзасских) и верхнеалеманских (швейцарских) говорах [11, с. 39, 203, 217, 223; 72, с. 56; 79, с. 246 и др.].

Необходимость выделения еще одной динамической оппозиции обусловлена тем, что начальная фаза этих дифтонгов не находит соответствия среди монофтонгов ударных слогов ни в перечисленных, ни в других немецких диалектах и обычно отождествляется с английским центральным гласным /ə:/ в словах *first*, *burst*, *word* [57, с. 18]. Изменение артикуляции складывается из двух неотделимых друг от друга моментов – сужения раствора и одновременного скольжения к заднему либо незаднему ряду. Релевантным является второй из них, и в состав дифтонгов /əi/ и /əu/ входит соответствующая тембровая кинакема. Оппозиция декентрирующего скольжения выступает как дополнительная по отношению к прочим; например, в нижнеалеманском говоре в окрестностях г. Равенсбург [80, с. 8–12]:

i	u	ি	ü	iə	uə	ui
e	o	é	ö	əi	əu	əə
ɛ	ɔ	ɛ̄	ɔ̄			
a		ā				

Внутрифонемная сочетаемость кинакем семи оппозиций для неабруптивных гласных приводится в табл. 21.

Расширяющиеся дифтонги являются продолжением средневерхненемецких: /iə/ < /ie/, /üe/ (*tief*, *ſießen*, *nichtern*, *müssen*); /uə/ < /uo/ (*Futter*, *Mutter*, *gut*). Тембровый дифтонг /ui/ отражает сп.-верхненем. /iu/ (*euch*, *neu*, *reuen*); дифтонг /əə/ – сп.-верхненем, /ei/ (*breit*, *Seife*, *heissen*). Источником центрального дифтонга /əi/ был сп.-верхненем. /öü/, а также /i/ в зиянии и перед исчезнувшим w (*Taiffi*, *Brei*); соответственно этому дифтонг /əu/ восходит к сп.-верхненем. /ou/ или /k/ в зиянии и перед утраченным /w/ (*lauffen*, *Sau*, *bauen*).

Центральные дифтонги не могут быть сведены к каким-либо иным, что хорошо видно на примере вокализма швабского говора Штуттгарта, в котором представлены дифтонги всех четырех типов [60, с. 36–101]:

i	u	ি	ü	iə	uə
e	o	é	ö		
ɛ	ɔ	ɛ̄	ɔ̄	əi	əu
a		ā		ai	au

Таблица 21

Оппозиция	ā	ī	ū	ē	ō	ě	ő	iə	uə	ui	oə	əi	əu
Широкий раствор	+	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-
Узкий раствор	-	+	+	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-
Расширение	-	-	-	-	-	-	+	+	0	0	0	0	0
Задний ряд	0	-	+	-	+	-	+	+	+	+	-	+	
Тембровое скольжение	-	-	-	-	-	-	0	0	+	+	0	0	
Децентрирующее скольжение	-	-	-	-	-	-	0	0	0	0	+	+	

Таблица 22

Оппозиция	ā	ī	ū	ē	ō	ě	ő	iə	uə	ai	au	ɔɪ	əi	əu
Широкий раствор	+	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+	-	-	-
Узкий раствор	-	+	+	-	-	++	+	+	-	-	-	-	-	-
Сужение	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	0	0	0	0
Расширение	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	0	0	0	0
Задний ряд	0	-	+	-	+	-	+	+	-	+	+	-	+	
Тембровое скольжение	-	-	-	-	-	-	0	0	0	0	+	0	0	
Децентрирующее скольжение	-	-	-	-	-	-	0	0	0	0	0	+	+	

В табл. 22 приводятся только неабruptивные гласные.

Поскольку швабские дифтонги этимологически во многом сходны с рассмотренными ниже алеманнскими, ограничимся отдельными примерами современного состояния:

/iə/: briəf "Brief", liəb "lieb", kiə "Kühe";

/uə/: guəd "gut", muədər "Mutter", kuə "Kuh";

/ai/: ai "Ei", fraid "Freude", ſrai "Schrei";

/au/: bflaum "Pflaume", braun, grau;

/əi/: gləi "gleich", rəix "reich", səi "Säue";

/əu/: aus "aus", ſləu "schlau", səu "Sau";

/oi/: həil "heil", həiməd "Heimat", gməind "gemeint", nai "hinein", nəi "neu", nəi "nein".

В отличие от алеманнско-швабских центральных дифтонгов, отражающих средневерхненемецкие узкие монофтонги или сужающиеся дифтонги, их системные соответствия в севернобаварском имеют совершенно иное происхождение: /əi/ < /ie/, /üe/ (brəif "Brief",

flēing "Fliege", hāida "Hüter, Hirt", bāixədl "Büchlein",
kai "Kühe", fāis "Füße"); /əu/ </uo/ (šəux "Schuh",
błəud "Blut", həufd "Huf", bəux "Buch", kəu "Kuh",
fəus "Fuß" и т.п. [72, с. 50, 79]).

* * *

Необходимо хотя бы коротко остановиться еще на двух моментах, затрагивающих диалектный вокализм и представляющихся наиболее спорными, — назализации и так называемом "рейнском акценте".

Назализация как фонетическое явление довольно широко представлена в верхненемецком ареале, особенно в швабском и среднебаварском [11, с. 360–361], и ряд авторов считает противопоставление гласных по назализации в этих диалектах фонологически значимым [6, с. 19–20; 66; 89, с. 112; 94, с. 48 и др.]. При этом в качестве решающего аргумента обычно приводится ссылка на наличие минимальных пар вроде mai "Mai" – māi "mein"; sī "sie" – sī "Söhne" и т.п. Однако ссылки на отпадение или выпадение носового согласного с компенсирующей назализацией предыдущего гласного не имеют в таких случаях доказательной силы, если эти явления связаны между собой и носят регулярный и автоматический характер. Они свидетельствуют лишь о том, что назализованный гласный в таких диалектах есть просто единствено возможный способ реализации бифонемного сочетания (ср. [89, с. 56, 164]). Разумеется, релевантным является противопоставление иного рода, а именно: противопоставление назализованного гласного группе "гласный + носовой согласный" при условии, что такая группа не рассекается морфемной границей. Последнее обстоятельство очень важно: оно не позволяет признать минимальными парами, например, формы именительного и винительного падежей местоимений māi – main "mein – meinen", dāi – dain "dein – deinen" и т.п. [55, с. 104; 74, с. 138–139], так как они морфологически разложимы. Вообще оказывается, что в большинстве диалектов подлинных минимальных пар на назализацию, по-видимому, нет, и нужно согласиться с исследователями, отрицающими ее фонологический характер как в швабском, так и в среднебаварском [54, с. 14; 60, с. 30].

Однако фонологизация носовых гласных все же возможна в некоторых колониальных говорах гибридного происхождения. Так, в одном из судетских, сложившемся с участием верхнесаксонских, баварских и восточнофранкских элементов [53, с. 12], наряду с отпадением конечного носового согласного с назализацией предыдущего гласного (h̄ "Hahn", k̄ "Kinn") отмечаются и случаи верхнесаксонско-баварского стяжения (grōm < graben, rēn < reden, wōn < wagon и т.д.). В результате этого появляются минимальные пары типа f̄ō "Fahne" – f̄ōn "Faden".

и даже целые ряды вроде *lō* "lau"-*lō* "Lohn"-*lōn* "Loden" [Там же, с. 74], в точности соответствующие французским *b̄o*-*b̄o*-*b̄o*. Тем не менее назализация, которую можно рассматривать как дополнительное расширение раствора за счет подключения носового резонатора [33, с. 19], остается периферийным явлением, и относить ее к общедиалектной диасистеме нецелесообразно.

Что касается характерного для рипуарского и примыкающих к нему переходных нижнефранкских и северных мозельских говоров "рейнского акцента", реализующегося в виде резкого перепада экспираторного давления в ударном слоге [11, с. 163-164; 64, с. 51-53], то для признания его фонологической значимости имеется еще меньше оснований. Какова бы ни была его антропофоническая природа, рейнский акцент ("коррепция", "*Schärfung*"), несомненно, является разновидностью ударения (см. [16, с. 164-172; 89, с. 180]), и его основная функция сводится к кульминативной независимо от того, происходит ли выделение ударного слога на основе экспираторного усиления, повышения тона, удлинения, более энергичной артикуляции гласного или согласных или как-либо еще [89, с. 186]. В обстоятельном обзоре С.Д. Кацнельсона [17, с. 215-315] приводятся также и в целом весьма немногочисленные примеры дистинктивного использования "коррепции", однако они сопровождаются указаниями на их факультативный характер, на обычную связь с эмфазой и др. [Там же, с. 219, 256, 264, 276]. Вряд ли можно согласиться с автором в том, что во многих говорах "слоговые акценты ... деградировали до уровня фразово-стилистического средства" [Там же, с. 253]. Судя по всему, они никогда и не обладали сколько-нибудь значительной иной функциональной нагрузкой.

* * *

В изложенном описании немецкого диалектного вокализма главными являются два момента: признание оппозиции абруптивности и определяемая ею трактовка дифтонгов.

Известные факты истории развития немецкого, как и других западногерманских языков, свидетельствуют о ликвидации количественных противопоставлений гласных по протяженности, имевшей место несколько веков назад. Поэтому выделение авторами некоторых традиционных описаний до пяти ступеней долготы (например, [57, с. 19; 63, с. 24-25]), разумеется, вообще не соответствует никакой фонологической реальности.

Интерпретация дифтонгов как особых неабруптивных гласных с неустойчивой артикуляцией означает, во-первых, что дифтонги не отделены от монофтонгов глухой стеной; во-вторых, что немецкие дифтонги не должны рассматриваться как бифонемные сочетания. Хотя противоположная трактовка иногда предлагается для дифтонгов литературного языка [73, с. 86-88], она плохо согласуется с данными исторической фонетики и в диалектологии не дает никаких преимуществ. Не относятся к дифтонгам явно бифонемные со-

четания, возникающие на стыке морфем (нижненем. *bue* "bau-en и т.п.) или в результате вокализации плавных /r/ (*oa* "Ohr", *ua* "Uhr", *heads* "Herz") и /l/ (*waud*, *houts*, *souts* либо *woid*, *hoits*, *soits* "Wald", "Holz", "Salz" и т.д. в алеманнском, баварском и др. см. [11, с. 342–343]). Кроме того, отвергаются попытки приписать фонологическую значимость таким тонким различиям, как iə – iɛ; üə – üö [66]. В интересах максимальной унификации описания нужно признать, что первоначально нерасчлененная оппозиция растворного скольжения подверглась расщеплению на две, подобно тому как в ходе умлаута расщепилась единая прежде тембровая оппозиция. Без подобного допущения невозможно объяснить возникновение разнонаправленных дифтонгов среднего раствора /ei/ – /ea/; /ou/ – /oa/ в рамках одной вокалической подсистемы.

При таких условиях можно считать, что вокалическая часть общенемецкой диасистемы кинакем включает в себя десять оппозиций – четыре статические и шесть динамических.

В полном смысле слова общедиалектными являются лишь три из них – обе статические модальные и оппозиция абруптивности. Помимо этого в любом диалекте используются еще по меньшей мере одна из статических локальных и одна из двух пар кинакем скольжения по раствору. Сочетание одной либо двух локальных оппозиций с одной либо двумя оппозициями растворного скольжения дает четыре типа вокалических подсистем. Добавление оппозиции тембрового скольжения удваивает их количество, и можно полагать, что подсистемы гласных в большинстве диалектов распределяются по восьми типам, образуемым указанными парадигматическими объединениями восьми перечисленных пар кинакем. Несомненно более редки оппозиция устойчивой артикуляции неабруптивных гласных, использующаяся альтернативно вместо одной из динамических растворных, и специфическая оппозиция центрирующего скольжения, представленная в ряде южненемецких говоров. Если пренебречь некоторыми другими, еще более экзотическими и фонологически сомнительными явлениями, то междиалектные различия в вокализме предстают как отражение неодинаковой внутрифонемной комбинаторики кинакем названных оппозиций, общее число которых для отдельных парадигматических типов колеблется от пяти до восьми.

Необходимо отдавать себе отчет в ограниченности такого подхода, при котором рассматриваются лишь конфигурации фонологических систем при отвлечении от закономерностей использования их элементов, от особенностей субстантной реализации последних и от их функционирования в виде живых грамматических чередований. Могут показаться непривычными и результаты, например отнесение к разным вариантным типам подсистем гласных близкородственных говоров Мюнхена и Вены и, наоборот, отнесение к одному типу вокализма того же говора Мюнхена и вокализма нижненемецкого диалекта Степного Алтая, чрезвычайно далеких друг

от друга во всех отношениях. Однако такая точка зрения вполне естественна, если целью описания является лишь определение степени структурного изоморфизма вокалических подсистем.

4. ТИПОЛОГИЯ КОНСОНАНТНЫХ ПОДСИСТЕМ

Типологические различия между диалектными консонантными подсистемами не столь многочисленны, ярче выражены и теснее связаны с пространственными факторами, чем различия в вокализме. Тем не менее при описании консонантизма возникают свои проблемы, обсуждение которых целесообразно начать с констатации нескольких наиболее общих моментов.

Во-первых, анализ материала подтверждает, что во всех диалектах осталась неизменной исходная структура категорий локальных кинакем из трех оппозиций: двух активно-локальных (предцентральности и зацентральности) и одной пассивно-локальной (зацентральности; см. с. 23). Это означает, что максимум локальных рядов, представленный прежде всего у несонарных проточных, не опускается ниже четырех и не превышает пяти (см. ниже). Тот же состав локальных оппозиций прочно удерживается во всех остальных германских языках, кроме английского [33, с. 72, 92, 104, 116], и обнаруживается во многих языках иной генетической принадлежности [31, с. 155, 159; 76, с. 282–283]. Широкая распространенность и диахроническая устойчивость такой структуры локальной категории, по-видимому, обусловлены особенностями строения речевого аппарата.

С другой стороны, общезападногерманская структура модальной категории, включавшей оппозиции проточности, сонорности, шумности и протяженности, в своем первоначальном виде, напротив, не сохранилась ни в одном немецком диалекте. При этом нужно еще раз подчеркнуть чрезвычайно важное обстоятельство, вытекающее из второй главы: все известные факты свидетельствуют о том, что никакие перестройки в модальной категории никогда и нигде не приводили к ее расширению; все они сводились либо к замене одной оппозиции на другую, либо к ликвидации некоторых из них. Так, свертывание оппозиции протяженности было единственным парадигматическим изменением в нижненемецком консонантизме; замещение оппозиции шумности оппозицией смычности – единственным изменением в подсистеме верхнеалеманнского, в то время как на остальной территории южненемецкого ареала имели место оба этих процесса. Заменой одной из звуковых пар кинакем на новую преградную оппозицию в конечном счете исчерпывалось содержание второго перебоя согласных [33, с. 58–59]. Нет никаких оснований полагать, что в ходе передвижения или после него утрата оппозиции шумности была компенсирована какой-либо иной звуковой оппозицией, например напряженности, как это часто утверждается.

В этой связи полезно обратиться к происхождению самого

термина "напряженность". Как отмечает Р. Банкерт [54, с. 28], наименования "fortes" и "lenes" впервые использовал в своей работе И. Винтлер для обозначения отличия швейцарских шумных от шумных согласных в нижненемецком и в романских языках. Указывая на потерю былого качественного противопоставления глухих и звонких и подчеркивая общую глухость как *fortes*, так и *lenes*, И. Винтлер усматривал различие между ними только в долготе первых и краткости вторых. Таким образом, первоначально эти термины не обозначали ничего, кроме отношений согласных по протяженности. Их популяризации во многом способствовал известный фонетист Э. Зиверс, который придал им, однако, совершенно иной смысл, выдвинув на первый план консонантные различия по силе экспираторного давления [85, с. 56]. Справедливоosti ради нужно сказать, что Э. Зиверс не отрицал связи напряженного, сильного произношения согласного с его относительно большей длительностью, но считал этот момент лишь сопутствующим [Там же, с. 58]. Так или иначе, именно он дал этим терминам то определение, которое и закрепилось за ними впоследствии.

Стремление к максимально точной фиксации любых деталей и тоностей побуждало авторов дофонологических описаний искать дополнительные различия в соответствии с новым пониманием напряженности. Разумеется, такие различия были вскоре обнаружены практически во всей области верхненемецкого, в частности в тех же самых швейцарских говорах. Главным аргументом служили при этом слуховые впечатления квалифицированных профессионалов, например: «Я слышал всегда со слабым [b] bark "Eber"; balk "Balg"; barr "Bär" ... Колебания преобладают в произношении bort / port "Bord, Abhang"; büass/püass "Ви-
бэ"; plaga (редко blaga) "plagen" ...» [57, с. 128–129]. При желании могли быть найдены и звуки, промежуточные между "сильными" и "слабыми" согласными, например, в южной части швабского, "доступные, однако, лишь хорошо трениированному слуху" [86, с. 84]. Нет необходимости доказывать, конечно, что констатация таких различий, как dri – trissk "drei – dreißig", fərdriassik – fərtruss "verdrießlich – Verdrüß" [57, с. 137], свидетельствует о чем угодно, кроме их фонематической значимости. Необоснованное разграничение согласных по напряженности, помноженное на реальные противопоставления по их долготе, порождает типологически невероятную и неприемлемую картину наличия в некоторых южненемецких говорах до пяти ступеней для смычных (*Lenis* – *Halbförtes* – *Förtes* – *Kurzgeminata* – *Geminata*), пяти, но несколько иных – для проточных и не менее двух ступеней для аффрикат (например, [80, с. 13–14]).

В действительности, как было установлено позже, напряженность, определяемая как сила выдоха, субглоттальное или оральное давление либо органическое мускульное напряжение в месте артикуляции, не обнаруживается в чистом виде. Она представляет собой побочный эффект, сопровождающий длительность артикуляции согласного, приыхание либо голосовой тон; другими словами, она

не имеет самостоятельного фонологического статуса [54, с. 28; 68, с. 15; 94, с. 42]; (ср. [42, с. 92]). В свою очередь, для верхненемецких шумных согласных нерелевантны различия не только по участию голоса, но и по придаханию [42, с. 100; 54, с. 32; 77, с. 101–103; 89, с. 141]; между тем релевантность консонантной протяженности, например, в верхнеалеманнском сомнению не подлежит. При этом протяженность прямо отождествляется с долготой: геминаты квалифицируются как сильные согласные [11, с. 252] и, наоборот, "сильные ... обычно являются долгими" [Там же, с. 314, 316]. Примечательно, что проточные геминаты в южно-баварском, утратившие долготу, "одновременно утратили свой напряженный характер и во всех случаях совпали с исконо слабыми" [70, с. 18].

Вопрос о напряженности осложняется, кроме того, общепринятой трактовкой взаимоотношений смычных и аффрикат, которые также заслуживают внимания.

Обычно считается, что из аффрикат /pf/, /ts/, /kχ/ последняя изначально имела узкую зону распространения, ограниченную верхнеалеманским и приальпийской полосой баварско-австрийского ареалов [11, с. 276; 87, с. 41], в то время как основная часть верхненемецкого сохранила не подвергшийся перебою взрывной, реализующийся с сильной аспирацией и получающий различные обозначения (k, k', kh). Именно этот согласный, несомненно отличающийся от старого германского /g/, приводится как самый сильный и фактически единственный довод в защиту тезиса о релевантности оппозиции напряженности: "В качестве аспирированного сильного выступает только начальное [k] перед гласным" в восточнофранкском [59, с. 22]; "дистинктивное противопоставление слабых и сильных согласных существует только между /g/ и /k/" в фогтландском [77, с. 102]; то же в швабском [86, с. 84, 91], нижнеалеманнском [80, с. 15], в говоре Вены [82, с. 27–28] и др.

Вместе с тем оказывается, что сильно аспирированное [kh] практически невозможно отличить от аффрикаты [kχ] ввиду наличия незаметных переходов между ними [11, с. 277–278; 70, с. 17]. Итак, утверждается, что аффрикаты нет; есть только сильно аспирированный смычный согласный того же места образования (и он к тому же единственный из напряженных), который, однако, нельзя отличить от аффрикаты. Другими словами, нельзя доказать, что [kh] не аффриката. Принимая во внимание как субстантный, так и структурный аспекты, можно признать наличие аффрикаты /kh/ или /kχ/ на всей территории южнонемецкого [54, с. 31–35], и только условности традиционной транскрипции затемняют самоочевидность такого вывода.

Развертывание второй преградной оппозиции не может не затронуть плавные согласные, реализация которых также предполагает образование и смычки, и протока. Субстантно обусловленное разъединение смычной и проточной артикуляций в пространстве (у /l/) или их чередование во времени (у вибрантного /r/) не

препятствует включению в класс аффрикат одной из этих фонем, но не обеих сразу; конкретное решение зависит от диалекта. При отсутствии оппозиции смычности и, следовательно, шумных аффрикат оба плавных остаются сонорными проточными, различающимися составом своих локальных кинакем: место образования /r/, который в этом случае часто вообще теряет смычку, может быть более передним или более задним относительно боковой щели согласного /l/ [31, с. 164; 76, с. 280–281].

Таким образом, мы исходим из следующих положений. Парадигматические различия между диалектными подсистемами консонантных кинакем касаются только модальной категории, иерархически стоящей выше категории локальной, сохраняющей инвариантную структуру. Во всех южнонемецких диалектах имела место замена звуковой оппозиции шумности на преградную оппозицию смычности, означавшая появление монофонемных аффрикат–несонорных (/pf/, /ts/, /tš/, /kx/) и одной сонорной (/l/ либо /r/). За исключением некоторых периферийных говоров и немецкого литературного языка оппозиции шумности и смычности альтернативны: либо имеются две звуковые оппозиции и три класса согласных по соотношению тона и шума – сонорные, глухие и промежуточный между ними, но нет монофонемных аффрикат (в нижненемецком); либо представлены две преградные оппозиции и есть классы смычных, проточных и аффрикат, но наряду с этим все согласные делятся только на сонорные и несонорные (в большей части верхненемецкого). Всякие различия несонорных согласных по звонкости, напряженности или придыханию в верхненемецком нерелевантны и сводятся к аллофоническому варьированию либо отсутствуют вообще. Помимо трех локальных оппозиций общедиалектными являются, следовательно, лишь две модальные – сонорности и проточности. Имеются диалекты, консонантизм которых строится только на указанных пяти ядерных парах кинакем. Ни в одном диалекте не используются все пять модальных оппозиций, в зависимости от структуры модальной категории консонантные подсистемы распадаются на пять вариантовных типов (табл. 23).

Тип 1. Объединение семи пар кинакем, одной из которых является оппозиция протяженности, отмечено, по–видимому, только в верхнеалеманнском. В табл. 24 представлен консонантизм южношвейцарского говора кантона Ури, моделируемый на основе его описания в традиционных терминах [57, с. 126–162].

Фонетически долгими могут быть почти все согласные, но для большинства из них долгота обусловлена позиционно. Положительная кинакема протяженности входит в состав лишь шести монофонемных геминат, которые не членятся морфемными границами и выступают в одинаковых окружениях со своими непротяженными коррелятами в частности, интервокально как после абруптивных, так и после неабруптивных гласных: *håfa* "Hafen", *Krug*, *råfa* "Dachbalken", *šåffa* "schaffen", *wåffa* "Waffe", *ki-səl* "Kehricht", *šlissəl* "Schlüssel", *īsa* "Eisen",

wissa "wissen", rissa "reißen", tsaxa "zehn", taxa "Dochte" (pl.), štaxxa "Rechen", tsaxxa "Schaflaus", wätta "waten", åtta "Atem", petta "betten", ins Bett bringen; nëtta "zum Essen nötigen" и т.д. Кинакемы протяженности несовместимы с положительной кинакемой сонорности и с сочетанием обеих положительных преградных кинакем.

Из сонорных в качестве смычно-проточного выступает дрожащее /r/, характеризующееся сильной раскатистостью и не подверженное вокализации в отличие от другого плавного /l/. Будучи единственной сонорной аффрикатой, /r/ не имеет в своем составе никаких локальных кинакем. Локальные кинакемы у сонорных проточных отражают переднюю артикуляцию палатального, очень "светлого" /j/ и относительно более заднюю "темного" велярного /l/ [57, с. 20]. Субстантные и дистрибутивные свойства /j/ в южногерманском допускают и иную его интерпретацию. В тех говорах, где /j/ не встречается в непосредственном соседстве с гласным /i/, он может быть вообще исключен из консонантизма и рассматриваться как комбинаторный вариант /i/ (ср. подобную трактовку для литературного немецкого [89, с. 64], чешского и словацкого [37, с. 57-58], французского [76, с. 281] языков. В таком случае /l/ становится единственным негубным сонорным проточным и сохраняет лишь две отрицательные кинакемы сопряженных друг с другом активно-локальных оппозиций, утрачивая пассивно-локальную кинакему, подобно, например, переднеязычному /n/).

Следует помнить, что речь идет не об артикуляционных, т.е. субстантных характеристиках согласных, а о функциональных и потому относительных и переменных единицах, состав которых в одной фонеме зависит от общего числа фонем в данном классе и от взаимоотношений между ними. Поэтому сочетаемость локальных кинакем неодинакова также у несонорных проточных протяженных и непротяженных. Только среди последних имеется фонема с двумя положительными кинакемами зацентральности /χ/, отличающаяся от фонемы /h/, в которую входит лишь одна положительная активно-локальная кинакема. Велярное /χ/ является регулярным отражением западногерманского /k/ в начальной позиции; этим и объясняется наличие многочисленных минимальных пар: hora - xora ("Horn" - "Korn"); hekal - xekäl ("schlechtes Messer" - "Kegel"); i hå - i xå ("ich habe" - "ich kann"); hunt - xunt ("Hund" - "kommt") и т.д. Интервокальное /k/ дало также частично /χ/(aixa "Eiche"), частично протяженное /χχ/(tåxha "machen"); от рассмотрения исторических условий их распределения здесь можно отвлечься. Отметим лишь, что обе фонемы в алеманнском не имеют палатальных вариантов. Геминированное /kk/ было единственным источником аффрикаты /χχ/ ; западногерманские /g/ и /gg/, потеряв звонкость, отражаются соответственно как /k/ и /kk/.

Для иллюстрации отношений между несонорными зацентральными достаточно следующих примеров: rikäl "Riegel" - nikäl

Таблица 23

Оппозиция	1	2	3	4	5
Преградные	шумности		x		x
	сонорности	x	x	x	x
	проточности	x	x	x	x
	смычности	x	x		x
	протяженности	x			

Таблица 24

Активно-локальные	предцентраль-				+	-	-	-	-	-	0
	закентрально-				-	-	-	-	+	+	0
Пассивно-локальные	закентрально-				0	0	-	+	+	0	0
Сонор-	Проточ-	Смыч-	Протя-								
ность	ность	ность	женность								
+ -	+ -	+ 0		m n						ŋ	
+ +	- -	- 0		w		j	l				
+ +	- -	- 0			p t					r	
- -	- -	- -		pp tt						k	
- -	- -	- -		f	s	š	x	h		kk	
- +	- -	- +		ff ss						xx	
- +	- -	- +		pf	ts	tš				kx	
- +	- -	- 0									

"Fruchtansatz"; *ərwaikka* "von der Stelle bringen" - *raixa* "reichen" - *šlaikxa* "schleppen"; *tålka* "talgen, schmieren" - *wålxa* ("walken" - *pålkxa* "Fensterladen"; *likä* "lügen" - *likka* "liegen" - *likxa* "Lücke".

Высокой частотностью обладает аффриката /tš/, встречающаяся не только в многочисленных заимствованиях из рето-романского и итальянского языков, но и в исконных словах в результате спонтанного развития из /š/ (*mentš* "Mensch"; *tšattära* "plätschern"; *tšütära* "schaudern" и т.п.), в диминутивном суффиксе *-tši* неясного происхождения и в некоторых других случаях [57, с. 141-142].

Отвергая неправомерную бифонемную трактовку аффрикат и геминат, можно считать, что те же блоки кинакем реализуются в говорах Цюриха и Берна [66, с. 45-53, 95] и, очевидно, в других швейцарских.

Тип 2, отличающийся от первого только отсутствием оппозиции протяженности, преобладает на всей остальной территории южнонемецкого. К нему относятся, в частности, практически иден-

Таблица 25

Активные	{ предцентральности зацентральности	+	-	-	-	-	0
		-	-	-	-	+	0
Пассивные	зацентральности	0	0	-	+	0	0
Сонорность	Проточность	Смычность					
+	-	+	m	n		ŋ	
+	+	-	w	j		R	
+	+	+					l
-	-	+	p	t		k	
-	+	-	f		s ſ x		
-	+	+	pf	ts tſ	kx		

тические консонантные подсистемы швабского [60, с. 8-24] и эльзасского [66, с. 131-132] (табл. 25).

В качестве сонорной аффикаты выступает /l/; второй плавный /R/ утратил вибрантный характер и является проточным с активно-зацентральной (заднеязычной либо увулярной) артикуляцией. Аллофоны несонорной проточной зацентральной фонемы /ç - x - h/ в швабском находятся в обычном для верхненемецкого отношении дополнительного распределения (*hōch* "hoch"; *rəic* "reich"); в эльзасском передние аллофоны отходят к фонеме /š/ (*iš* "ich"; *tolš* "Dolch").

Особую проблему представляет консонантизм среднебаварского, до известной степени напоминающий верхнеалеманский ввиду того, что среднебаварские согласные также обнаруживают фонетические различия по долготе. Однако если в швейцарских говорах несомненно имеется фонологическая оппозиция консонантной протяженности, независимая от оппозиции вокалической абруптивности, то ситуация в баварско-австрийском далеко не так ясна. Принято считать, что здесь наблюдается нечто вроде шведско-норвежского "слогового равновесия", т.е. отношение между ударным гласным и следующим за ним согласным, которое в традиционных диалектных описаниях сводится к формуле: "долгий гласный + краткий/слабый согласный" (*wīsn* "Wiese") либо "краткий гласный + долгий/сильный согласный" (*wissn* "wissen") [11, с. 161-162; 66, с. 214; 75, с. 9]. Фонологическая интерпретация таких последовательностей предполагает выявление факторов, обуславливающих взаимозависимость вокалического и консонантного элементов. Известно несколько неодинаковых решений, общий обзор которых содержится в [54, с. 6-7; 68, с. 15-16; 94, с. 41-44] (ср. [33, с. 87]).

Большинство немецких и австрийских диалектологов считает главным опять-таки качественное противопоставление согласных по напряженности, якобы определяющее и их долготу, и характер предшествующего гласного. О нерелевантности различий по напряженности для верхненемецкого в целом говорилось выше; можно лишь еще раз подчеркнуть, что в среднебаварском ничего похожего

на них вообще не обнаруживается ни в положении перед ударным гласным – важнейшей позиции различия для согласных, ни в каких-либо консонантных группах [68, с. 15].

Альтернативным является признание релевантности не качества согласных, а их долготы, понимаемой в прямом смысле количественно: один долгий согласный приравнивается к сумме двух простых [68, с. 16]. Неадекватность бифонемной трактовки геминат становится очевидной, если принять во внимание, что она полностью игнорирует морфемные границы и основана на отождествлении консонантной долготы внутри морфемы (*wissn*) с тавтофонемным сочетанием на морфемном шве (*wås sågsd* "was sagst du").

Помимо сегментных интерпретаций предлагаются и просодические, прежде всего в терминах так называемого "прымкания" или "резкого" и "плавного" слогового акцентов, производными от которых объявляются различия по долготе у гласных и согласных и по напряженности у последних (например, [94, с. 43–44]). Взамен этой "оппозиции слоговой структуры", отвергаемой из-за чрезвычайно расплывчатого характера и недостаточной объяснительной силы [54, с. 29–30], вводится другая супрасегментная единица – просодема "комплементарной долготы", регулирующая количественные взаимоотношения вокалического и консонантного слоговых сегментов [Там же, с. 38–39]. Такой подход не может быть принят по причине, отмеченной выше (см. с. 28): разделяя положение о принципиальной неразличимости фонематических и супрасегментных явлений внутри слога, мы принимаем и критерий их разграничения и относим к просодическим только те из них, которые находят отражение в межслоговых контрастах. Необоснованное выделение внутрислоговых просодем "прымкания" или "комплементарной долготы" порождает излишние сущности наряду с ложными представлениями о какой-то уникальности и исключительности среднебаварского среди остальных немецких диалектов.

Итак, приведенные точки зрения оказываются неудовлетворительными, и остается еще только одна возможность: признать, что указанные последовательности отличаются друг от друга неодинаковыми гласными. Это решение хотя и называется в числе прочих как одно из логически допустимых [54, с. 7–8], тем не менее не находит поддержки в диалектологии и отклоняется по двум соображениям.

С одной стороны, утверждается, что временные отношения по длительности не могут рассматриваться как составная часть языковой системы, которая по определению ахронична [94, с. 42]. Подобное утверждение (сопровождаемое, правда, ссылкой на авторитет Н. С. Трубецкого) свидетельствует, однако, о полном пренебрежении субстантным аспектом языковых систем и теоретически несостоятельно. Главное же заключается в том, что в действительности для немецких гласных релевантны не количественные различия по долготе, а качественные по абрuptивности.

С другой стороны, всякие различия между гласными в среднеба-

баварском объявляются вторичными, предсказуемыми, зависящими от иных, перечисленных выше факторов в силу принципа "слогового равновесия", якобы не знающего исключений [68, с. 15]. Однако это исходное положение вовсе не очевидно и нуждается в проверке.

Заслуживает внимания, в частности, характер гласного перед сочетанием согласных в составе одной морфемы. В соответствии с названным принципом следует ожидать, что если перед долгим (или "сильным") согласным гласный может быть только "кратким", т.е. абруптивным, то он, несомненно, должен оставаться таковым и перед группой согласных. При ближайшем рассмотрении выясняется, что это не так. Особенno показательны консонантные группы, содержащие носовой, перед которыми возможны как абруптивные, так и неабруптивные гласные [91, с. 77 и др.]: *gwint* - *kbind* "*ge-winde*~ *Kind*"; *unt* - *ründ* "*unten* - *rund*"; *blnt* - *blind* "*binde* - *blind*"; *hantl* - *ländl* "*Händchen* - *Ländchen*"; *hunt* - *hünd* "*Hunde* - *Hund*" и т.д.

Хотя авторы традиционно-фонетических описаний стремятся отразить при этом некую разницу между конечными несонорными (*t* - *d*), совершенно не ясно, во-первых, что кроется за таким разграничением кроме неуловимых различий по "силе" - ведь о звонкости не может быть и речи даже в случаях *winta* - *binda* "*Winter* - *Binder*"; *gwanta* - *glända* "*Gewänder* - *Geländer*". Во-вторых, транскрипция не отличается последовательностью, так что "слабые" согласные отмечаются в любом положении, например: *šinda* "*Schinder*" и *sinda* "*Sünder*" и т.п. [91, с. 77 и т.д.]. Другие диалектологи признают, что подобные случаи не укладываются в схему "слогового равновесия" и предлагают для них специальные компромиссные правила [94, с. 44-46]. Наконец, имеются прямые указания на то, что в среднебаварском характер гласного не обусловлен числом последующих согласных, как это имеет место, например, в шведском языке [54, с. 26].

Все сказанное, а также другие моменты - соотношение монофтонгов и дифтонгов (см. гл. 3) и направленность нейтрализации в открытом слоге - не оставляют сомнений в том, что для гласных в среднебаварском, как и в других диалектах, фонологически значимо противопоставление по абруптивности. Известно, что эта оппозиция способствует сохранению комбинаторной долготы, т.е. фонетической геминации поствокальных согласных, особенно в положении между ударным абруптивным и заударным гласными [25, с. 84; 30, с. 84-85]. Таким образом, есть все основания считать длительность среднебаварских согласных позиционно обусловленной и, следовательно, фонологически несущественной (ср. [89, с. 198]). На зависимость баварско-австрийских согласных от предыдущего гласного указывает, между прочим, и В.М. Жирмунский [11, с. 178, 311], хотя у него же встречается и противоположное утверждение [Там же, с. 226].

Отрицание релевантности различий согласных по долготе позволяет отнести среднебаварский консонантизм к тому же типу, что и приведенные выше швабский и эльзасский, от которых он отличает-

ется разве что отдельными особенностями субстантной реализации некоторых блоков кинакем. Вероятно, сонорной аффрикатой в баварском, как и в верхнеалеманском, следует признать /r/ ввиду его преобладающей переднеязычно-альвеолярной вибрантной артикуляции [54, с. 42; 74, с. 24; 94, с. 39]. Отношениями дополнительной дистрибуции связаны аллофоны /ç, x - h/ [94, с. 53]; выделение последнего в качестве самостоятельной фонемы [54, с. 24-25] основано только на артикулярно-механических особенностях и принято быть не может.

Помимо других южногерманских к типу 2 можно отнести также консонантные подсистемы некоторых среднегерманских диалектов, оговорив дефектность в них класса аффрикат вследствие неполного участия в актах второго перебоя согласных.

Тип 3 объединяет нижнегерманские консонантные подсистемы с тремя звуковыми классами, один из которых характеризуется со-вмещением двух однознаковых кинакем – положительных сонорности и шумности либо соответствующих отрицательных. В этот промежуточный класс входят, в частности, фонемы /v/ и /j/. Заметное снижение сонорности и (или) наличие шумового компонента у этих согласных – яркая особенность нижнегерманского консонантизма [11, с. 337-338, 341; 63, с. 46-47]. Таким образом, класс сонорных нешумных ограничивается только проточными /r/, /l/ и непроточными /m/, /n/, /ŋ/. Обшим является также объединение кинакем шумности и несонорности с кинакемой непроточности в согласных /p/, /t/, /k/. Аффрикаты в верхнегерманских заимствованиях выступают как бифонемные сочетания либо замещаются гоморганными проточными: *damf* "Dampf", *gans* "ganz", *firsic*, "Pfirsich", *saitunk* "Zeitung" и т.п. [11, с. 263-264, 269, 273; 63, с. 52; 73, с. 164]. Последнее отмечается как широко распространенное и допустимое отклонение от орфоэпической нормы в обиходно-разговорном языке [58, с. 67].

Различия между отдельными подсистемами этого типа сводятся к частично неодинаковой внутрифонемной комбинаторике кинакем и их субстантной реализации и могут быть показаны на нескольких примерах.

Севернонижнесаксонский [63, с. 46-58; 66, с. 351-355] (табл. 26). При отсутствии других проточно-сонорных переднеязычные плавные /r/ и /l/ не имеют в своем составе активно-локальных кинакем (ср. аналогичную трактовку русских /й/ и /л/) [31, с. 158]. Условием фонологизации противопоставления /s/-/z/ было регулярное упрощение заимствованной аффриката /ts/ с сохранением глухости (*sēc*, "Ziege", *sipl* "Zwiebel"), в то время как старое /s/ столь же регулярно утрачивает кинакему шумности в начальном положении перед гласным (*zün* "Sonné", *zēp* "Sieb"). Только в начальной позиции встречается и смычное /g/. В отношении дополнительного распределения находятся аллофоны активно-зацентральной проточной фонемы /ç, x - h/. Отмечается сильная десоноризация /j/, как и в соседнем мекленбургском [73, с. 166].

Таблица 26

Активные	{ предцентральности зацентральности	+ - - - - -	0 0
		- - - - + 0 - +	0 0
Пассивные	зацентральности	0 0 - + 0 - +	
Сонорность	Шумность	Проточность	
	+ - -	m n	ŋ
+ - +	+ - +		r l
- + -	- - +	p t	k
- + +	- + +	f s ſ	x
- - -	- - -	b d	g
- - -	- - +	v z j	

Таблица 27

Активные	{ предцентральности зацентральности	+ - - - -	-
		- - - - +	+
Пассивные	зацентральности	0 0 - + 0	0
Сонорность	Шумность	Проточность	
	+ - -	m n	ŋ
+ - +	+ - +	l	R
- + -	- - +	p t	k
- + +	- + +	f s ſ	x
- - -	- - -	b d	
- - -	- - +	v z j	

Бранденбургский [88, с. 19-22] (табл. 27). Основное отличие от севернонижнесаксонского состоит в том, что заднеязычное /R/ имеет в своем составе положительную активно-локальную кинакему зацентральности. Кроме того, в подсистеме полностью отсутствует смычка фонема /g/, либо элиминированная при стяжении и в некоторых других случаях (fäl "Vogel", plön "pflügen", flē "Fliege", ö "Auge"), либо замещенная проточными /x - ç/ в абсолютном исходе слова (dax "Tag", dēç, "Teig") и /j/ - в остальных положениях (jolt "Gold", jröt "groß", jlas "Glas", zejən "sagen", brüjə "Brücke" и т.п.).

Вестфальский [63, с. 46-58; 66, с. 311-314] (табл. 28). Субстантная база положительной кинакемы активной зацентральности у проточных ограничена только задязычной, фарингальной зоной (фонема /h/); положительная кинакема пассивной зацентральности реализуется в палатовелярной артикуляции аллофонов фонемы /ç-x/, вытеснившей смычное /g/ во всех позициях, в том числе и в начальной: (heŋə "Henkel" - çəŋə "ginge"; hes(t) "hast" - çest "Hefe"; holt "Holz" - xolt "Gold"; hant

"Hand" - xante "Ganter, Gänserich"; haun "hauen" - xau "schnell"; hai "Heu" - xail "üppig" и т.д. Консерватизм вестфальского проявляется в отсутствии фонемы /š/: slən "schlagen", smit "Schmied", svɔr "schwer", sxarp "scharf", sxō "Schuh", sxribm "schreiben", sciep "Schiff", disk "Tisch", fleisk "Fleisch", menske "Mensch" и т.д. Антропофонические свойства согласных /b/, /d/, /v/, /j/ и их отношения с другими фонемами позволяют считать их звонкими, т.е. объединяющими две положительные звуковые кинакемы. Согласные [z] и [γ] встречаются только интервокально как комбинаторные варианты глухих /s/ и /χ/.

Остфальский [83, с. 8–33] (табл. 29). Наличие фонемы /š/ отличает эту систему от вестфальской. Различение пяти локальных рядов встречается сравнительно редко и было отмечено выше только для верхнеалеманнского (см. тип 1). Из шумных проточных /h/ имеет положительную активно-зацентральную кинакему, /š/ положительную пассивно-зацентральную, обе положительные кинакемы зацентральности входят в состав заднеязычной палатовелярной фонемы /c, - x/. Последняя полностью вытесняет нешумное смычное /g/, как в вестфальском, вследствие чего появляются минимальные пары hinn – cinn "hinten" – "gönnen"; hil – cil "heule" – "Gäule"; hēm – cēm "Hefe" – "geben"; hans – xans "Hans" – "Gans"; hoa – xoa "Haar" – "gar"; havet – xavet "Hut" – "gut" и т.п.

Весьма богатый инвентарь согласных фонем имеет упоминавшийся уже нижненемецкий говор южных районов Западной Сибири (табл. 30).

Промежуточный звуковой класс включает звонкие, объединяющие две положительные кинакемы. В отличие от большинства других диалектов звонкие возможны в абсолютном исходе слова: rāb "Rippe", lūd "laut", ſnid' "Schnecke", zēv "Sieb", nēz "Nase", veaj "Waage". Фонема /g/ в этом положении представлена проточными аллофонами: zoaγ "Säge". Разными фонемами являются /s/ и /z/ (bōsic, "böse" – bozic, "eilig"),

Таблица 28

Активные	предцентральности									
	-	+	-	-	-	-	0	0		
Пассивные	зацентральности									
	0	0	-	+	0	-	-	+		
Сонорность	Шумность	Проточность								
+ -	- +	- +	m n			ŋ		r	l	
+ -	- +	- +	p t			k				
- +	+ -	+ -	f		s x	h				
+ +	+ -	- +	b d							
+ +	+ +	+ +	v j							

Таблица 29

Активные	{ предцентральности зацентральности	+	-	-	-	-	-
		-	-	-	-	+	+
Пассивные	зацентральности	0	0	-	+	+	0
Сонорность	Шумность	Проточность					
+	-	-	m	n		ŋ	
+	-	+		l		R	
-	+	-	p	t		k	
-	+	+	f		s ſ	x	h
-	-	-	b	d			
-	-	+	v	j			

хотя в начале слова перед гласным возможно только /z/. Чередование глухих и звонких широко используется в формообразовании: *boas*, "Berg" - *boaj* "Berge"; *bräif* "Brief" - *bräiv* "Briefe"; *fint* "Feind" - *find* "Feinde" и т.п.

В отличие от предыдущего остфальского примера позиционными вариантами одной фонемы с положительной активно-зацентральной кинакемой являются /x - h/ (*huəx* "hoch"), а две положительные кинакемы зацентральности имеет фонема /ç/; ср. минимальные пары *vāx* - *vāç* "Wache" - "Weg"; *āxt* - *āçt* "acht" - "echt"; *šāxt* - *šāçt* "Schacht" - "Stiefschaft" и т.п.

Специфическая особенность этого говора - развитый локальный ряд фонем с положительной кинакемой пассивной зацентральности, в который входят палатализованные согласные /n'/, /t'/, /d'//. Они возникли в результате фонологизации комбинаторного смягчения -nd, -ng, -k, -gg после этимологически передних гласных; -k, кроме того, в положении перед такими гласными: *fin'ə* "finden"; *fin'a* "Finger"; *än'* "Ende", "eng"; *bāt'* "Böcke"; *bāt'a* "Bäcker"; *brid'* "Brücke"; *tāp*

Таблица 30

Активные	{ предцентральности зацентральности	+	-	-	-	-	0	0
		-	-	-	+	+	0	0
Пассивные	зацентральности	0	-	+	+	0	-	+
Сонорность	Шумность	Проточность						
+	-	-	m	n	n'	ŋ	r	l
+	-	+						
-	+	-	p	t	t'			
-	+	+	f	s	ſ	ç	x	
+	+	-	b	d	d'			
+	+	+	v	z	j			

"Köpfe"; t'eat' "Küche"; t'oat' "Kirche"; t'lin'tl' "Klinke"; t'nät̩ə "knicken" и т.д. Иллюстрацией весьма сложных фонемных соотношений могут служить следующие примеры: t'int "Kind" - tint "Tinte"; t'älə "Keller" - tälə "Teller"; štät̩ "Stück" - štät̩ "Stütze"; t'ric̩ "Krieg" - trid̩ "zurück"; lid̩ "liege" - jit̩ "gleich"; rid̩ə "Rücken" - rit̩ə "riechen"; šädə "schüttlen" - šät̩ə "schicken"; zäk "Sack" - zät̩ "Säcke"; zäna "sinnen" - zän̩ə "sengen"; vädə "wetten" - vät̩ə "wetzen" - vät̩ə "wecken"; moaɣə "Magen" - moakə "machen" - moat̩ə "Marken"; läkə "lacken" - lät̩ə "tropfen" - läxə "lachen" - läjə "legen" - läçə "Löcher" и др.

Как видим, нижненемецкие консонантные подсистемы обнаруживают значительное разнообразие в рамках общего для них вариантического типа кинакемной парадигматики.

Тип 4 следует рассматривать как компромиссный, сложившийся в результате неполного оверхненемечивания исконно нижненемецких говоров северной части Саксонии и Тюрингии (Остерланд и Южный Флеминг).

В частности, здесь не была развернута преградная оппозиция смычности, естественным следствием чего явилось бы массовое появление и фронтальное утверждение аффрикат. Имел место длительный процесс постепенного освоения отдельных южненемецких заимствований, по сей день сопровождающийся адаптивными колебаниями, контаминацией и сохранением бесперебойных реликтов [11, с. 266, 270–271]. Поэтому, как и в нижненемецком, аффрикаты либо заменяются проточными (fenic̩ "Pfennig", flasdər "Pflaster", flaumə "Pflaume", damf "Dampf", gans "ganz", swansiç̩ "zwanzig", suŋə "Zunge", šwišən "zwischen"), либо представляют собой бифонемные сочетания, о чем свидетельствуют многочисленные примеры с неорганическим смычным (unds "uns", halds "Hals", dseləri "Sellerie", dsålåd "Salat", dsoldåd "Soldat" и т.п. [52, с. 16; 73, с. 164]).

С другой стороны, этим говорам бесспорно свойственно верхненемецкое ослабление согласных, т.е. последовательное свертывание оппозиции шумности и объединение всех несонорных фонем в один общий класс [11, с. 258, 280, 308; 56, с. 104; 73, 163].

Таким образом, столкновение типов 2 (южненемецкого) и 3 (нижненемецкого) приводит к максимальному упрощению категории модальных кинакем, не имеющему аналогий в других германских языках. Редукция числа модальных оппозиций до одной преградной и одной звуковой дает предельно бедный консонантизм, насчитывающий не более 14 фонем (табл. 31).

Тип 5 – компромиссное образование иного рода, строящееся на использовании как обеих преградных, так и обеих звуковых оппозиций и тем самым объединяющее в себе верхненемецкий и нижненемецкий потенциалы. Самый яркий его представитель – консонан-

Таблица 31

Активные	{ предцентральности зацентральности	+	-	-	-	-	-
		-	-	-	-	-	+
Пассивные	зацентральности	0	0	-	+	0	
Проточность	Сонорность						
-	+	m	n	j	l	η	R
+	+	w					
-	-	b	ɸ				g
+	-	f		s	š	x	

Таблица 32

Активные	{ предцентральности зацентральности	+	-	-	-	-	-	0
		-	-	-	-	-	+	0
Пассивные	зацентральности	0	0	-	+	0	0	0
Проточ-	Смыч-	Сонор-	Шум-					
ность	ность	ность	ность	p	t			k
-	+	-	+	b	d			g
-	+	-	-	m	n			ŋ
-	+	+	-	f		s	š	x
+	-	0	+	v		z	j	R
+	-	0	-	pf		ts	ts	
+	+	0	+					l
+	+	0	-					

тизм литературного немецкого языка являющийся продуктом сознательного нормирования. По-видимому, именно этим обстоятельством объясняется его странная особенность — несовместимость кинакем оппозиции сонорности с положительной кинакемой проточности [33, с. 67] (табл. 32).

Завершая обзор, подчеркнем, что в соответствии с целью описания в центре внимания находятся парадигматика и комбинаторика кинакем. В силу этого в стороне остаются многие явления, связанные с фонотактикой (позиционные ограничения для согласных, допустимые фонемные сочетания), несомненно важные для характеристики отдельных диалектов, но выходящие за рамки рассмотрения фонологических систем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одна из главных задач, стоящих перед немецкой диалектологией, заключается в обобщении огромного материала, содержащегося в десятках работ, выполненных представителями различных линг-

вистических школ и направлений на протяжении более полутора веков. В систематизации нуждаются прежде всего чрезвычайно дробные и детально описанные фонетические различия, которые в противном случае грозят остаться гигантским калейдоскопом отдельных мелких фактов в их противоречивых и труднообозримых исторических и пространственных связях.

Наиболее радикальное преодоление атомизма достижимо на основе структурной типологии, позволяющей выделить общедиалектное инвариантное ядро и частные варианты типы фонологических систем с точки зрения принципов их организации при отвлечении от субстантных факторов и экстралингвистических моментов. Однако типология не может сводиться к описанию единиц неодинаковых фонемных инвентарей с помощью некоего универсального набора логически равноправных различительных признаков, задаваемых простым перечислением. При таком подходе фонема оказывается фактически неразложимой, а системы фонем сохраняют свою уникальность и, строго говоря, обобщению не поддаются.

Для адекватного решения необходимо признать членимость фонемы на особые единицы субфонемного яруса со всеми атрибутами полноценных языковых единиц, т.е. со своими собственными субстантными, функциональными, парадигматическими и синтагматическими характеристиками. Другими словами, необходимо признать существование фонологических систем двоякого рода. Элементами одних являются первичные, предельные фонологические единицы – кинакемы; элементами других – фонемы, т.е. узульно закрепленные в данном языке или диалекте блоки таких единиц, способных реализоваться лишь симультанно. Системы фонем имеют производный характер, и их своеобразие целиком определяется особенностями парадигматики и внутрифонемной сочетаемости кинакем.

Наиболее глубокие типологические различия в конечном счете обусловлены парадигматикой этих мельчайших единиц, которую образуют взаимообратимые бинарные отношения контрадикторности и контрапности между ними; ранговые отношения между отдельными парами кинакем; деление кинакемных пар на модальные и локальные в рамках каждой из двух подсистем – вокалической и консонантной.

Общедиалектная диасистема включает в себя десять пар вокалических и восемь пар консонантных кинакем. Ее инвариантное ядро состоит из пяти тех и пяти других кинакемных пар и обеспечивает формирование минимально возможного для германских языков инвентаря фонем из 12 гласных и 14 согласных. Вокалические подсистемы большинства диалектов сводятся к восьми вариантным типам, для консонантных подсистем их число не превышает пяти.

При структурно-типологическом подходе не учитываются многие важные моменты, и при традиционной ориентации исключительно на различия попытки его применения в диалектологии могут показаться неоправданными. Однако не подлежит сомнению, что при всех различиях немецкие диалекты сохраняют известное единство общих принципов организации звукового строя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М., 1966.
2. Белл Р.Т. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. - М., 1980.
3. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. - М., 1973.
4. Блумфилд Л. Язык. - М., 1968.
5. Воронкова Г.В., Стеблин - Каменский М.И. Фонема - пучок РП? - ВЯ, 1970, № 6, с. 15-26.
6. Гейнц В.К. Фонетический строй верхнегессенского говора в Омской области. Автореф. канд. дис. - Калинин, 1971.
7. Герценберг Л.Г. Морфологическая структура слова в ирландском языке. - В кн.: Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.
8. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков. - В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
9. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. - Л., 1983.
10. Жирмунский В.М. Предисловие. - В кн.: Немецкая диалектология. М., 1955.
11. Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. - М.-Л., 1956.
12. Жирмунский В.М. История немецкого языка. - М., 1965.
13. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. - Л., 1976.
14. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Историческая фонетика немецкого языка. - М.-Л., 1965.
15. Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. - М., 1977.
16. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкоznания. - М., 1983.
17. Кацнельсон С.Д. Сравнительная акцентология германских языков. - М.-Л., 1966.
18. Константинова О.А. Эвенкийский язык. - М.-Л., 1964.
19. Крупа В. Полинезийские языки. - М., 1975.
20. Крупаткин Я.Б. Две проблемы исторической фонологии. - ВЯ, 1958, № 6.
21. Кузнецов П.С. Проблема дифференциальных признаков в фонологии и разграничения различных типов их. - В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966.
22. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. - М., 1974.
23. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. - М., 1970.
24. Панов М.В. Русская фонетика. - М., 1967.
25. Плоткин В.Я. Динамика английской фонологической системы. - Новосибирск, 1967.

26. Плоткин В. Я. Принцип бинарности в развертывании английской видовременной системы. - Филол. науки, 1969, № 5.
27. Плоткин В. Я. Система звуковых дистинкторов в современном английском языке. - В кн.: Вопросы германской и романской филологии. Новосибирск, 1970.
28. Плоткин В. Я. Эволюция систем грамматических оппозиций в истории германских языков. - В кн.: Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. М., 1972.
29. Плоткин В. Я. Грамматические системы в английском языке. - Киншинев, 1975.
30. Плоткин В. Я. Очерк диахронической фонологии английского языка. - М., 1976.
31. Плоткин В. Я. О первичной фонологической единице. - В кн.: Грамматические и фонетические исследования по германским языкам. Киншинев, 1977.
32. Плоткин В. Я. Консонантная протяженность в шведской фонологической системе. - Скандинавский сборник, XXIV. Таллин, 1979.
33. Плоткин В. Я. Эволюция фонологических систем. - М., 1982.
34. Прошко Э. Сравнительная грамматика германских языков. - М., 1954.
35. Раевский М. В. Верхненемецкое передвижение согласных и факторы фонологической эволюции. - ВЯ, 1969, № 4.
36. Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. - М., 1977.
37. Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы. - М., 1978.
38. Реформатский А. А. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма. - В кн.: Исследования по фонологии. М., 1966.
39. Рождественский Ю. В. Типология слова. - М., 1969.
40. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. - М., 1971.
41. Сравнительная грамматика германских языков. Т. 2. М., 1962.
42. Стеблин - Каменский М. И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. - Л., 1966.
43. Стеблин - Каменский М. И. Спорное в языкоznании. Л., 1974.
44. Судник Т. М., Шур С. М. Диалектология и структурная типология. - В кн.: Исследования по структурной типологии. М., 1963.
45. Успенский Б. А. Структурная типология языков. - М., 1965.
46. Филичева Н. И. Диалектология современного немецкого языка. М., 1983.
47. Шедлих Г. И. Процессы дифференциации и выравнивания в немецком языке в свете фонологии. - ВЯ, 1972, № 2.
48. Шрейдер Ю. А., Шаров А. А. Системы и модели. - М., 1982.
49. Якобсон Р., Фант Г. М., Халле М. Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты. - В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.
50. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкоzнание. - В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
51. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. - В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
52. Albrecht K. Die Leipziger Mundart. - Leipzig, 1881.

53. Appel W. Die Mundart von Hilbetten im Schönhengstgau. – Marburg, 1963.
 54. Bannert R. Mittelbairische Phonologie auf akustischer und perzeptorischer Grundlage. – München – Lund, 1976.
 55. Baur G. Die Mundarten im nördlichen Schwarzwald. Bd. 1. – Marburg, 1967.
 56. Becker H., Bergmann G. Sächsische Mundartenkunde. – Halle/Saale, 1969.
 57. Claub W. Die Mundart von Uri. Laut- und Flexionslehre. – Frauenfeld, 1929.
 58. Duden. Das Aussprachewörterbuch. – Mannheim, 1974.
 59. Eberle J. Die Mundart um die Kupfer nach Lauten und Flexion. – Stuttgart, 1938.
 60. Frey E. Stuttgarter Schwäbisch. Laut- und Formenlehre eines Stuttgarter Idiolekt. – Marburg, 1975.
 61. Friebertshäuser H. Sprache und Geschichte des nordwestlichen Althessen. – Marburg, 1961.
 62. Gernentz H.-J. Niederdeutsch gestern und heute. – Rostock, 1980.
 63. Grimm e H. Plattdeutsche Mundarten. – Leipzig, 1910.
 64. Heike G. Zur Phonologie der Stadtkölnner Mundart. Eine experimentelle Untersuchung der akustischen Unterscheidungsmerkmale. – Marburg, 1964.
 65. Jakobson R. Selected Writings. V. 1. – s'Gravenhague, 1962.
 66. Keller R.E. German Dialects. – Manchester, 1961.
 67. Kleine Enzyklopädie "Die deutsche Sprache". Bd 1. – Leipzig, 1969.
 68. Kufner H.L. Strukturelle Grammatik der Münchner Stadtmundart. – München, 1961.
 69. Lange H. Die Mundart der Orte Götdeckenrode und Isingerode und die Dialektgrenzen an der oberen Oker. – Marburg, 1963.
 70. Lessiak P. Die Mundart von Pernegg in Kärnten. – Marburg, 1963.
 71. Martin B. Die deutschen Mundarten. – Marburg, 1959.
 72. Meinel H. Vogtländisch und Nordbayrisch. – Halle/Saale, 1932.
 73. Meinholt G., Stock E. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig, 1980.
 74. Merkle L. Bairische Grammatik. – München, 1975.
 75. Pfalz A. Die Mundart des Marchfeldes. – Wien, 1913.
 76. Plotkin V.Y. The Kinakeme as the ultimate Unit of Language. – Kwartalnik neofilologiczny, Poznan, 1978, N 3, p. 275–288.
 77. Schädlich H.-J. Phonologie des Ostvogtländischen. – Berlin, 1966.
 78. Schirmunski V. Sprachgeschichte und Siedlungsmundarten. – Germanisch-romanische Monatsschrift, Heidelberg, 1930, H. 5/6.
 79. Schirmunski V. Die Nordbairische Mundart von Jamburg am Dnjepr (Ukraine). – Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, Halle/Saale, Bd. 55, 1931, S. 243–282.

80. Schöller G. Laute und Flexion der Mundart von Bawendorf (Kreis Ravensburg) und Umgebung. - Tübingen, 1939.
81. Schübel G. Die Ostfränkisch-Bambergische Mundart von Stadtsteinach im ehemaligen Fürstbistum Bamberg. Lautlehre und Beugungslehre. - Gießen, 1955.
82. Schuster M., Schikola H. Sprachlehre der Wiener Mundart. - Wien, 1956.
83. Schütze M. Dialektgeographie der Goldenen Mark des Eichsfeldes. - Halle/Saale, 1953.
84. Siebenbürgische Mundarten. - Berlin, 1959.
85. Sievers E. Grundzüge der Phonetik zur Einführung in das Studium der Lautlehre der indogermanischen Sprachen. - Leipzig, 1881.
86. Strohmaier O. Die Laute und die Flexion des Schwäbischen in der Mundart des Oberamts Blaubeuren. - Nürtingen a. N., 1930.
87. Szulc A. Abriß der diachronischen deutschen Grammatik. Das Lautsystem. - Warszawa - Halle/Saale, 1969.
88. Teuchert H. Die Mundarten der Brandenburgischen Mittelmark und ihres südlichen Vorlandes. - Berlin, 1964.
89. Trubetzkoy N.S. Grundzüge der Phonologie. - Göttingen, 1971.
90. Weinreich U. Is a structural dialectology possible? - Word, 1954, v. 10, N 2-3.
91. Weitzensböck G. Die Mundart des Innviertels, besonders von Mühlheim. Lautkunde. - Halle/Saale, 1942.
92. Winteler J. Die Kerenzer Mundart des Kantons Glarus. - Leipzig - Heidelberg, 1876.
93. Zacher O. Deutsche Phonetik. - Leningrad, 1969.
94. Zehetner L. Die Mundart der Hallertau. - Marburg, 1978.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Принципы построения типологии диалектных фонологических систем	3
2. Диахронические предпосылки фонологических различий в немецких диалектах	17
3. Типология вокалических подсистем	32
4. Типология консонантных подсистем	61
Заключение	75
Литература	77

*Маргарита
Игорь Алек*

ФОНОЛОГИЯ
НЕМЕЦКИ

Утверждено
филологии

Редактор из.
Художник Е
Технический
Корректоры

Сдано в набор 24.10.85. — Оформлено в макет 25.10.85. — Гарнитура 50/90/6.
Бумага типографская № 2. Офсетная печать. Усл. печ. л. 5. Усл. кр.-отт. 5,4.
Уч.-изд. л. 6. Тираж 900 экз. Заказ № 913. Цена 90 кон.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука», Сибирское
отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Стани-
славского, 25.